

18+

Майк Сойд
Предел емкости

«Автор»

2026

Сойд М.

Предел емкости / М. Сойд — «Автор», 2026

Эта книга по факту БЕСПЛАТНА. В ознакомительном фрагменте можно прочитать всю книгу целиком — просто дочитайте до конца, и вы получите полный текст без оплаты. Если история вас зацепит и вы захотите сказать «спасибо» и поддержать меня — ваша покупка станет лучшей благодарностью. --- В 25-м веке человечество победило старость, но уперлось в биологический барьер: мозг не вмещает больше 300 лет воспоминаний. Чтобы не сойти с ума от «Перегруза», граждане мегаполиса Кредо обязаны проходить «Жатву» — процедуру принудительного стирания половины своей жизни. Декстер Хейз — циничный детектив, прошедший Жатву дважды. Он добровольно выжег из своей памяти страх, эмпатию и боль потерь, чтобы стать идеальным полицейским. Но когда в закрытом секторе для элиты объявляется серийный убийца, вскрывающий грудные клетки жертв, холодный мир Хейза дает трещину. Детектив восхищается гениальным умом убийцы, еще не подозревая, что вступил в смертельную игру с призраком. Призраком, который знает каждый его шаг.

© Сойд М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1: ПРЕДЕЛ ЕМКОСТИ	5
ГЛАВА 2: ФАНТОМНЫЙ ЗУД	12
ГЛАВА 3: ЧУЖИЕ СНЫ	17
ГЛАВА 4: БУМАЖНЫЕ ПРИЗРАКИ	22
ГЛАВА 5: АРХИТЕКТОРЫ ПУСТОТЫ	28
ГЛАВА 6: СТЕКЛЯННЫЙ КУПОЛ	33
ГЛАВА 7: СЛЕПАЯ ЗОНА	39
ГЛАВА 8: ИДЕАЛЬНЫЙ АЛГОРИТМ	44

Майк Сойд

Предел емкости

ГЛАВА 1: ПРЕДЕЛ ЕМКОСТИ

Человек за армированным стеклом кричал так, словно с него заживо снимали кожу.

Звук глухо бился о звуконепроницаемые панели, превращаясь в вибрацию, которая отдавалась в подошвах ботинок. Но скальпелей в операционной не было. Крови тоже. Только монотонное, утробное гудение квантовых серверов, охлаждаемых жидким азотом, и стерильный, режущий глаза белый свет бестеневых ламп.

Человек, намертво пристегнутый к массивному хромированному креслу, бился в магнитных фиксаторах с такой силой, что на его запястьях лопались капилляры. На нем была простая больничная роба, насквозь пропитанная холодным потом. В стальной разъем на его затылке — стандартизированный нейро-порт, который вживляли каждому гражданину при рождении — был вкручен толстый, пульсирующий ядовито-синим светом кабель. Кабель нейро-экстрактора. Машины, которая прямо сейчас высасывала из него половину его жизни.

Декстер Хейз стоял по другую сторону стекла в полутемной смотровой комнате. Он не отворачивался. Он молча пил черный синтетический кофе из помятого бумажного стаканчика. Кофе горчил жженой пластмассой и оставлял на языке привкус металла, но настоящего зерна в этом секторе мегаполиса не видели уже лет сто.

— Давление в гиппокампе растет. Показатели выходят за красную черту, — монотонно доложил техник-оператор.

Парень сидел за пультом в метре от Хейза. Его лицо освещалось лишь мерцанием голографической клавиатуры, над которой с бешеной скоростью летали его бледные пальцы. Техник выглядел скучающим. Для него это была просто рутина, ночная смена на фабрике по переработке душ.

— Пациент сопротивляется, — добавил техник, не отрывая взгляда от бегущих строк кода. — Нейронные цепи блокируют протокол передачи.

— Увеличьте подачу седативного, — равнодушно отозвался Хейз, делая еще один глоток. Жидкость обожгла горло, но не принесла тепла. — Он сам пришел сюда. Сам подписал протокол стирания. Магнитные замки держат?

— Держат, детектив. Но если он продолжит так дергаться, он сломает себе шейные позвонки раньше, чем мы закончим.

— Что сейчас уходит? — Хейз чуть наклонился вперед, всматриваясь в мониторы.

Техник скосил глаза на правый, самый большой экран. Там не было привычного видеоряда. Память не хранилась в картинках. Строки фрактального кода бежали сверху вниз, расшифровывая сложнейшие нейронные связи в сухой, протокольный текст и обрывочные, вспыхивающие образы.

— Файл памяти номер четыреста двенадцать, — прочитал техник, шурясь. — Классификация: личное, ядро личности. Рождение первенца. Пациент цепляется за образ жены. Эмоциональная привязка критическая. Сердечный ритм сто восемьдесят. Он не хочет отдавать этот блок.

Хейз посмотрел сквозь стекло на искаженное мукой лицо человека. По щекам пациента текли слезы, смешиваясь с потом. Его губы беззвучно шевелились, повторяя одно и то же имя, которое прямо сейчас, байт за байтом, стиралось из его нейронной сети.

— Режьте, — жестко сказал Хейз.

— Детектив, это ядро. Если я срежу его принудительно, возможен легкий паралич лицевого нерва.

— Я сказал, режьте, — Хейз раздавил пустой стаканчик в кулаке. — Его жена умерла сто лет назад. Сын погиб в корпоративных войнах в колониях. Этот мусор только занимает место в его голове, отравляя то, что осталось. Человеческий мозг не рассчитан на триста лет горя. Если вы не срежете этот блок сейчас, к вечеру у него начнется фаза Перегруза. Синапсы перегорят, он начнет бросаться на людей на улице, а потом размажет свои мозги по стенам изолятора. Режьте.

Техник пожал плечами, ввел короткую команду и ударил по виртуальной клавише подтверждения.

В операционной человек выгнулся дугой. Магнитные фиксаторы жалобно заскрипели. Из его горла вырвался последний, сдавленный хрип — звук рвущейся струны. А затем его тело резко обмякло, безвольно повиснув на ремнях. Синий свет в толстом кабеле вспыхнул особенно ярко, прогоняя последний импульс, и погас, сменившись ровным, успокаивающим зеленым свечением.

На пульте перед техником с тихим, почти музыкальным щелчком открылся цилиндрический шлюз.

Из стерильного недра машины медленно поднялся небольшой диск. Он был сделан из матового, черного стекла и формой напоминал старинную виниловую пластинку в миниатюре. В народе их называли «Граммфонами».

На этот физический, холодный носитель только что перекачали ровно сто сорок лет человеческой жизни. Пятьдесят процентов памяти пациента. Боль, заставлявшая его кричать по ночам. Радость от первых шагов сына. Вкус первого поцелуя. Запах дождя из детства, похороны, ошибки, триумфы, чувство вины и чувство абсолютного счастья — всё это теперь было спрессовано в триста граммов мертвого кремния.

Завтра утром бронированный инкассаторский шаттл заберет этот диск, чтобы навсегда похоронить его в недрах Правительственного Архива. А человек в кресле проснется легким, пустым и готовым прожить еще полтора века, не отягощенный грузом собственных потерь.

Техник стянул с головы диагностический обруч и вытер пот со лба.

— Процедура «Жатвы» завершена. Емкость мозга восстановлена до базовых значений. Пациент стабилен.

— Оформите документы, — бросил Хейз.

Детектив задержал взгляд на бронированном стекле смотровой. На фоне ярко освещенной операционной в нем четко проступало его собственное темное отражение.

Для человека, прожившего четыреста десять лет, Хейз выглядел на жесткие, изношенные сорок. Современная клеточная геронтология останавливала старение тела, но она не могла стереть тяжелый, невидимый отпечаток прожитых веков. Лицо детектива казалось грубо высе-ченным из серого камня: резкие, угловатые скулы, глубокие, залеглие тени вокруг упрямо сжа-

того рта и жесткая щетина. Под густыми, тронутыми пепельной сединой бровями смотрели холодные, водянисто-серые глаза — глаза хищника, в которых давно выключили свет.

Высокую, широкоплечую фигуру обтягивал неизменный тяжелый плащ из серого твида с кевларовой подкладкой. Воротник всегда был поднят.

Хейз отвернулся от своего отражения и рефлекторно, почти бессознательно, потер мозолистым пальцем основание собственной шеи. Там, под плотным, стоячим воротником, скрывались два глубоких крестообразных шрама. Уродливые, зарубцевавшиеся отметины от старых нейро-портов.

Хейзу было четыреста десять лет. По меркам двадцать пятого века он считался человеком среднего возраста, но его разум прошел через мясорубку времени больше, чем многие. Он сидел в таком же хромированном кресле дважды. Дважды его мозг достигал предела емкости, начиная искрить фантомными воспоминаниями и угрожая погрузить его в пучину Перегруза.

И оба раза Хейз сам составлял списки того, что нужно выжечь. В отличие от пациента за стеклом, он не сопротивлялся экстрактору. Он отдавал память добровольно, с холодной расчетливостью хирурга, ампутирующего гангрену.

Он стер свои детские страхи. Стер ненужную эмпатию, которая мешала нажимать на курок. Стер боль от старых огнестрельных и плазменных ранений. Он стер женщину, чье лицо больше не мог вспомнить, даже если бы попытался, но о которой ему сухим медицинским языком говорила его же личная медкарта.

Он выжег из себя всё, что делало его уязвимым, оставив только чистый, бритвенно-острый аналитический рассудок. Только так в этом проклятом, неоновом мире можно было остаться хорошим полицейским и не закончить свои дни в смиренной рубашке.

За спиной детектива с тихим шипением разъехались бронированные двери смотровой.

В полутемную комнату ворвался Оливер Пейдж.

Напарнику было всего семьдесят пять. По меркам Кредо он был даже не юношей, а младенцем, только-только выпустившимся из Полицейской Академии. От Оливера пахло кислотным дождем, дешевым мылом из общежития и острой, почти осязаемой юношеской тревогой.

Его мозг еще не знал, что такое нехватка места. Нейронные цепи Оливера были чисты и гибки. Он помнил вкус приторных синтетических конфет из своего детства, помнил каждую разбитую коленку и каждое обидное слово, брошенное ему в лицо. Он был полон надежд, идеалов и того сентиментального мусора, который Хейз так презирал.

Детектив часто думал, что от этого мальчишки слишком много шума — и физического, и эмоционального.

— Детектив Хейз, — Оливер тяжело дышал, сжимая в руке светящийся голографический планшет. Вода стекала с его форменной куртки, оставляя на полу темные капли.

Его взгляд метнулся мимо наставника, за стекло операционной, к обмякшему в кресле пациенту. Стажер судорожно сглотнул, и его кадык дернулся. Он ненавидел клиники Жатвы. Для молодого поколения мысль о том, чтобы добровольно отдать кусок своей души машине, казалась варварством. Хейз знал, что Оливер до ужаса боится того дня, когда ему самому придется сесть в это кресло.

— У нас Код Зеро, сэр, — выдавил из себя Оливер, заставляя себя оторвать взгляд от операционной.

Хейз медленно повернулся. Он метко бросил смятый бумажный стаканчик в утилизатор. Устройство тихо чавкнуло, расщепляя мусор на атомы.

— Код Зеро не объявляли десять лет, Пейдж. С тех пор как закончились бунты в Третьем секторе. Что случилось? В Элизиуме кто-то поцарапал правительственный аэрокар, и мэр впал в истерику?

— Хуже, — Оливер подошел ближе, инстинктивно понизив голос, словно боясь, что техник за пультом может их услышать. — Убийство. Старый Город, Башня «Орион».

Густые, седеющие брови Хейза сошлись на переносице.

Башня «Орион» не была просто жилым комплексом. Это был закрытый, автономный сектор для высшей элиты. Крепость из стекла, графена и паранойи. Там жили те, чей возраст давно перевалил за пять сотен лет. Архитекторы городских законов, владельцы мегакорпораций, теньевые кардиналы. Люди с лучшими боевыми имплантами, персональными армиями и безлимитным доступом к Архиву. Проникнуть туда без приглашения было физически невозможно.

— Жертва? — сухо спросил Хейз, чувствуя, как внутри запускается холодный двигатель логики.

— Советник Корнелиус Рот, — Оливер провел влажным пальцем по экрану планшета, выводя в тусклый воздух смотровой объемную голограмму.

Над планшетом закрутилось изображение статного, седого мужчины с жестким, надменным лицом. Лицом человека, который привык, что мир прогибается под его шаги.

— Ему было шестьсот сорок лет, — добавил стажер. — Основатель «Рот-Интернешнл». Один из тех, кто лоббировал закон о всеобщей Жатве.

Хейз посмотрел на парящее в воздухе лицо убитого аристократа. Впервые за долгое время он почувствовал, как внутри шевельнулось давно забытое, холодное профессиональное любопытство. Кто-то сумел обойти систему, считавшуюся неуязвимой, чтобы достать человека, считавшегося бессмертным.

Детектив поправил воротник плаща, скрывая шрамы.

— По коням, малец, — бросил он, проходя мимо стажера и направляясь к выходу. — Посмотрим, как выглядит смерть, когда у нее есть неограниченный бюджет.

Дождь над Старым Городом не шел — он обрушивался сплошной, тяжелой стеной, смывая неоновую грязь в бездонные, ревущие ливневки.

Полицейский аэрокар Хейза, тяжелая бронированная машина черного цвета, пробил плотный слой ядовитого смога. Магнитные подушки издали низкий, вибрирующий гул, разгоняя потоки воды, когда кар завис у посадочной площадки сотого этажа Башни «Орион».

Архитектура башни подавляла. Она представляла собой монолитный шпиль из черного стекла, уходящий далеко за облака, туда, где светило настоящее, не затянутое пеплом солнце. Но здесь, на сотом этаже, царил мрак, разрываемый лишь вспышками полицейских мигалок.

Весь этаж был оцеплен. В воздухе, словно рой рассерженных светлячков, висели патрульные дроны, сканируя пространство красными лазерными лучами. Офицеры в тяжелой броне стояли у каждого входа, нервно сжимая плазменные винтовки.

Хейз вышел из машины. Ветер ударил в лицо влажным холодом, но детектив лишь глубже надвинул шляпу и поднял воротник плаща. Оливер семенил следом, ежась и пытаясь укрыться от пронизывающего ветра.

Они прошли сквозь раздвижные стеклянные двери пентхауса, миновав тройной кордон биометрического контроля.

Пространство внутри было огромным. Двухуровневые потолки, отделка из настоящего, натурального дерева — роскошь, недоступная девяноста девяти процентам населения планеты. В воздухе всё еще витал тонкий аромат дорогого парфюма с нотами сандала и выдержанного синтетического вина. Но всю эту рафинированную эстетику безжалостно перекрывал другой запах.

Густой, тяжелый, железистый запах свежей крови и паленого мяса. Комната за тридцать миллионов кредитов пахла как дешевая скотобойня в Слепых Углах.

Хейз остановился в центре роскошной гостиной. Панорамные окна от пола до потолка открывали головокружительный вид на пылающий огнями мегаполис внизу, но всё внимание детектива было приковано к антикварному дубовому столу, стоявшему посередине комнаты.

Советник Корнелиус Рот лежал на нем. Вернее, то, что от него осталось после визита незваного гостя.

Тело шестисотлетнего старика было распято на столе. Дорогая шелковая рубашка пропиталась кровью. Грудная клетка жертвы была вскрыта — ребра разведены в стороны с помощью хирургических расширителей. Внутри искрились и тихо гудели дорогие, изготовленные на заказ кибернетические органы, тщетно пытающиеся поддерживать жизнь в мертвом теле. Искусственная, насыщенная кислородом белая кровь-заменитель смешалась с настоящей, багровой жидкостью, медленно стекая по резным ножкам дубового стола на белоснежный ковер.

Оливер остановился у порога. Стажер зажал рот рукой, его глаза расширились. Лицо парня стремительно позеленело. Он резко отвернулся к стене, уперся в нее свободной рукой, и его плечи ходуном заходили от рвотных позывов.

— Детектив Хейз... — выдавил стажер, вытирая холодную испарину со лба промокшим рукавом плаща. Он зажмурился, стараясь не смотреть на искрящуюся грудную клетку советника. — Здесь же вакуумные био-сенсоры. Система контроля давления. Тепловизоры. Система засекала бы даже изменение частоты пульса в комнате, не говоря уже о чужаке! А его... его вскрыли, как консервную банку. И ни одного сбоя в охранной сети. Тревога не сработала.

Оливер открыл глаза и посмотрел на Хейза с нескрываемым ужасом.

— Это не взлом, детектив. Его кто-то впустил.

Хейз не ответил. Он подошел ближе к столу, привычным ментальным усилием отключая любые остаточные эмоции и анализируя картину преступления.

Крови было много, но брызг на стенах и мебели не наблюдалось. Убийца не рубил с плеча в порыве ярости. Разрез грудины был сделан не современным лазерным резаком, который прижигает края раны. Края были ровными, плоть раздвинута чисто, ни единого лишнего движения, ни одной зазубрины на кости.

«Старый хирургический скальпель, — отметил про себя Хейз. — Высокоуглеродистая сталь. Требуется физической силы и безупречного знания анатомии».

Убийца не паниковал. Он действовал методично, с холодной, пугающей расчетливостью профессионала, у которого было в запасе столько времени, сколько нужно.

— Камеры? — коротко бросил Хейз дежурному лейтенанту, стоявшему в оцеплении у панорамного окна.

Лейтенант нервно сглотнул, избегая смотреть на стол.

— Зациклены, детектив. Идеальная, бесшовная петля. Наш кибер-отдел бьется уже полчаса, но они даже не могут найти точку входа. Техники говорят, что код взлома написан на архитектуре двухвековой давности. Сейчас так никто не работает. Для современных брандмауэров это архаика. Система просто не распознала этот язык как угрозу. Она пропустила его, как устаревшую системную ошибку.

Хейз молча достал из кармана нейро-перчатки и натянул их на руки. Тонкая, полупрозрачная ткань на кончиках пальцев засветилась мягким желтым светом, активируя локальные сканеры.

Детектив склонился над телом. Его взгляд скользил по искрящимся трубкам искусственных легких, по хромированным клапанам, пока не зацепился за то, что находилось в самом центре зияющей раны.

Прямо на остановившемся, сделанном из полимера и титана искусственном сердце Рота лежало что-то маленькое и абсолютно черное.

Хейз протянул руку. Его пульс оставался ровным. Двумя пальцами он аккуратно извлек предмет из лужи смешанной крови.

Это был «Граммфон». Диск памяти.

Точно такой же, какой Хейз видел час назад в клинике Жатвы. Но этот носитель не был стандартным, гладким и стерильным. Он был старым. Края диска потерлись от времени, матовое стекло помутнело и было покрыто тончайшей сетью микротрещин, словно его десятилетиями носили в кармане. Такие носители сняли с производства больше ста лет назад.

— Что это, детектив? — Оливер наконец справился с тошнотой, выпрямился и подошел ближе, стараясь дышать через рот. Он уставился на окровавленный диск.

— Улика, — тихо ответил Хейз.

Он поднес старый диск к свету неона, люющемуся из панорамного окна. На черной, тусклой поверхности, прямо по центру, кто-то грубо, от руки, выцарапал символ.

Песочные часы, перечеркнутые резкой косой линией.

Оливер побледнел. Его глаза расширились, и он инстинктивно оглянулся на пустой коридор пентхауса, словно ожидая, что из теней прямо сейчас выйдут призраки.

— Стертые? — голос стажера сорвался на сухой шепот. — Детектив, этого не может быть. Синдикат Стертых — это миф. Городская легенда для первого курса Академии, чтобы салаги не совались в Слепые Углы. Те, кто отказался от Жатвы... они же просто нищие безумцы. Они прячутся в канализации и сгорают от Перегруза в своих подвалах. У них мозги плавятся от избытка памяти. Они не умеют обходить архитектуру «Ориона» и писать архаичные коды!

— Значит, легенда научилась программировать, — сухо констатировал Хейз, не отрывая взгляда от диска.

Он молча смотрел на царапину. Углы символа были вырезаны с идеальным нажимом. Безупречно прямые линии. Точная, твердая, поставленная рука человека, который полностью контролирует себя. Кто бы ни стоял за этим убийством, он не был обезумевшим радикалом из трущоб, страдающим от тремора и деменции. Он был безликим призраком с глубоким пониманием охраннных систем и доступом к технологиям, о которых современный город давно забыл.

Хейз опустил диск в стерильный пластиковый пакет для улики и герметично закрыл его.

Его аналитический мозг, свободный от эмоций, уже формулировал главный, самый страшный вопрос этой ночи: *чья это память?*

Для чего убийца вскрыл грудную клетку человека, обладающего половиной мира, чтобы положить туда кусок старого стекла? Были ли это грязные секреты самого Рота, которые маньяк вытащил из недр Архива? Исповедь самого убийцы? Или это воспоминания кого-то третьего, давно мертвого и забытого, за кого сегодня ночью пришли мстить?

— Оцепите здание, — командовал Хейз, поворачиваясь к лейтенанту. — Мне нужен полный биометрический скан каждого кубического метра. Поднимите логи всех, кто входил в башню за последние сорок восемь часов. Даже если это курьеры с синтетической пищей или дроны-уборщики. Я хочу знать о каждом сбое в сети, даже о скачках напряжения.

Хейз развернулся и зашагал к выходу. Плотные полы его плаща взметнулись.

Его мозг — холодный, логичный био-компьютер — уже просчитывал сотни вариантов, отбрасывая невозможные. Ему предстояло найти человека, который мыслит так же расчетливо, методично и безжалостно, как он сам.

И впервые за долгие десятилетия рутинной работы детектив Декстер Хейз почувствовал, как по позвоночнику пробежал легкий, почти забытый холодок азарта. Предстоящая охота обещала быть по-настоящему сложной.

ГЛАВА 2: ФАНТОМНЫЙ ЗУД

Спуск на подвальный этаж Департамента Полиции занимал ровно сорок секунд, но каждому, кто ехал в этом грузовом лифте, казалось, что он опускается на дно океана. С каждым метром вниз температура падала, а звуки живого мегаполиса — вой сирен, гул магнитных трасс и монотонный голос рекламных дирижаблей — вязли в толще армированного бетона.

Этот уровень называли «Кладбищем».

Здесь не было окон, а ядовитый неон улиц уступал место тусклым, болезненно-желтым люминесцентным лампам, которые непрерывно и монотонно жужжали, словно рой механических мух. В воздухе висел тяжелый, спертый коктейль запахов: машинное масло, озоновая гарь от сгоревших микросхем, вековая пыль и едкий антисептик. На «Кладбище» хранились улики, которые современная система уже не могла распознать, и технологии, которые город Кредо давно пережевал, выплюнул и забыл.

Створки лифта с лязгом разъехались. Декстер Хейз шагнул в полумрак, его тяжелые ботинки гулко ударили по решетчатому настилу. Оливер Пейдж вышел следом, инстинктивно кутаясь в промокшую форменную куртку. Стажеру здесь явно было не по себе. Молодое поколение копов привыкло к стерильным серверам и облачным базам данных. Физическое хранилище пугало их своей материальностью.

Лаборатория кибер-отдела представляла собой хаотичное нагромождение стеллажей, заваленных мертвым железом. Посреди этого хаоса возился Мэддок — главный архивариус и бессменный страж «Кладбища».

— Современный сканер его просто сожжет, детектив, — проворчал старик, не оборачиваясь.

Мэддок был сутулым, иссушенным временем человеком, чье тело на треть состояло из устаревших имплантов. Самой пугающей деталью его внешности был кибернетический протез — громоздкая система выдвижных линз, диафрагм и красных лазерных целеуказателей, навсегда вживленная в череп и заменявшая ему правый глаз. Механизм постоянно тихо щелкал, фокусируясь на объектах.

Архивариус стоял у металлического стола. Он осторожно, пинцетом с мягкими силиконовыми наконечниками, достал из стерильного пакета для улики черный «Граммфон» с выцарапанными на нем песочными часами.

— Посмотрите на эти микротрещины, — Мэддок протер матовое стекло специальной тканью, сдувая невидимые пылинки. — Архитектура диска абсолютно нестабильна. Ему больше двух веков, Хейз. Кремниевая основа начала деградировать. Если мы попытаемся подключить его напрямую к вашим современным нейро-портам, разница в скорости потока данных будет колоссальной. Устройство попытается влить в ваш мозг терабайт информации за миллисекунду. Это вызовет у вас обширный микроинсульт, а диск просто расплавится.

— Предлагаете читать его по губам? — сухо поинтересовался Хейз, подходя ближе.

— Предлагаю использовать внешнюю проекцию, — Мэддок криво усмехнулся, его механический глаз издал серию быстрых щелчков. — Старый добрый аналог. То, как смотрели чужую память до того, как придумали закачивать ее прямо в кору головного мозга.

Архивариус подошел к массивному, похожему на железный саркофаг аппарату, занимавшему половину комнаты. От него тянулись толстые, покрытые пылью кабели. Это был голографический интерферометр прошлого поколения — динозавр из эпохи ранних нейро-экспериментов. Мэддок нажал несколько тугих кнопок, поместил диск в центральный считыватель и с тяжелым металлическим лязгом опустил защитный свинцовый кожух.

Аппарат натужно загудел, словно просыпающийся зверь. Внутри защелкали оптические реле. Запахло нагретой пылью и старой медью.

Хейз отошел к стене и прислонился к ней, скрестив руки на груди. Его лицо оставалось непроницаемым. Оливер переминался с ноги на ногу рядом с ним, то и дело поглядывая на пульсирующие индикаторы доисторической машины. Стажер заметно нервничал, сжимая кулаки так, что белели костяшки.

— Что мы ожидаем там увидеть, детектив? — тихо, почти шепотом спросил Оливер, глядя на раскручивающийся внутри саркофага диск. — Запись убийства? Момент, когда он вскрывал грудь советнику Роту? Или, может, это манифест Синдиката Стертых? Призыв к восстанию?

— Убийца вскрыл грудную клетку одного из самых охраняемых людей в Старом Городе, рискуя быть пойманным в любую секунду, только ради того, чтобы оставить эту вещь на его мертвом сердце, — ровно и сухо ответил Хейз, не сводя глаз с интерферометра. — Он не оставит там банальных угроз или политических лозунгов. Этот человек мыслит сложнее. Он оставил нам послание. Смотри внимательно, Пейдж. Не на то, что лежит на поверхности. Любая деталь на заднем фоне — это улика.

В центре комнаты зажужжали четыре лазерных проектора. В воздухе замерцал объемный голографический куб, сотканный из синих векторных линий.

Мэддок ударил по рубильнику на стене, и желтый свет люминесцентных ламп в подвале погас.

Машина глухо щелкнула, расшифровывая архаичный код, переводя мертвую память в визуальный ряд.

А затем тьму полицейского подвала разорвала вспышка.

Это был не холодный, хирургический свет современных операционных. И не ядовитый, пульсирующий неон ночных улиц Кредо, к которому они так привыкли. Это был теплый, густой, почти осязаемый свет настоящего, не закрытого смогом солнца.

Голограмма мгновенно развернулась на все триста шестьдесят градусов, поглотив стены подвала. Хейз и Оливер оказались внутри чужого воспоминания. Запись велась от первого лица — стандартный формат прямого нейронного слежка, где хрусталики глаз неизвестного пациента служили объективами, а его эмоции диктовали фокус. Периферия зрения была слегка размытой, так как человеческий мозг не запоминает детали, на которые не смотрит прямо.

Они стояли посреди светлой, просторной комнаты.

Панорамные окна были открыты настежь. Сквозь них виднелся город — но не тот задыхающийся в пепле, мрачный мегаполис, который они знали сейчас. Это был город с чистым, пронзительно-голубым небом, по которому плыли редкие белые облака.

На подоконнике стоял горшок с живым, зеленым папоротником. На деревянном столе дымилась чашка. Аудиодорожку система восстановить не смогла — звук распался от времени, — поэтому всё происходило в абсолютной, звенящей тишине. Но Хейзу казалось, что он физически слышит легкое, ритмичное шипение старой кофеварки.

А затем в поле зрения появилась она.

Женщина лет тридцати. На ней было легкое белое домашнее платье, спадающее до колен. Темные волосы были небрежно растрепаны и собраны на затылке. На ее правой щеке белел нелепый мазок муки или светлой пыли.

Она смеялась.

Она не позировала, не пыталась казаться идеальной. В ней не было той пугающей, выверенной симметрии и безупречности, к которой стремились современные фарфоровые идола и элита Кредо. Ее красота была неправильной, земной и оттого ошеломляюще живой. Это был абсолютно искренний, заразительный смех человека, который чувствует себя в полной, абсолютной безопасности.

Женщина подошла ближе к «камере» — к тому неизвестному человеку, чьими глазами двести лет назад было записано это воспоминание. Она протянула руки и, судя по легкому движению проекции вверх, обняла его за шею. Ее губы зашевелились. Звука не было, но по мягкой артикуляции было понятно, что она говорит что-то ласковое. Что-то бесконечно теплое и интимное. То, что предназначалось только одному человеку во всей вселенной.

Оливер замер на месте, слегка приоткрыв рот.

Стажер, выросший в мире синтетических эмоций и постоянного страха перед Перегрузом, никогда не видел ничего подобного.

— Это... это не манифест, — прошептал Пейдж. Голос парня дрогнул, он был полностью сбит с толку. — Почему маньяк вырезал сердце старика ради этого? Это же не угроза. Это просто чье-то счастливое воспоминание. Кто она? И зачем нам на нее смотреть?

Хейз молчал.

Его взгляд скользил по лицу смеющейся женщины. Лицо как лицо. Красивое, не более того. Его мозг, прошедший через две жестокие процедуры Жатвы, работал как швейцарские часы. Детектив методично прогонял ее черты через базу данных своей оставшейся памяти, но не находил никаких совпадений. Эмоциональные рецепторы Хейза молчали. Внутри него была лишь привычная, надежная пустота профессионала.

И все же...

Основание шеи Хейза внезапно обожгло.

Два глубоких крестообразных шрама от нейро-портов, скрытые под высоким воротником плаща, зачесались с такой невыносимой, ослепляющей силой, словно под кожу медленно загоняли раскаленные ржавые иглы. Боль была не внешней, она шла изнутри, от самого спинного мозга.

Это была знакомая фантомная боль — системная реакция иммунной защиты мозга на поврежденные нейронные связи. «Возрастное отторжение имплантов», — как монотонно говорил ему корпоративный врач на последнем медосмотре. Мозг четырехсотлетнего человека периодически пытался замкнуть цепи, которые были принудительно разорваны хирургическим путем.

Хейз глухо скрипнул зубами, стискивая челюсти до боли. Он заставил себя глубоко вдохнуть, подавляя физиологический спазм. Он — Аудитор. Следовательно экстра-класса. Он искал сухие факты, а не сентиментальный мусор, который подкидывал ему стареющий организм.

Усилием воли детектив оторвал взгляд от мягких губ и смеющихся глаз женщины.

Его холодные, серые глаза, превратившиеся в камеры слежения, начали сканировать задний фон голограммы. Он искал аномалии. Деревянный стол. Угол падения теней. Недопитая чашка. Стул с наброшенной на спинку кофтой. Открытое окно и архитектура зданий за ним.

И наконец — стопка разбросанных бумажных документов, лежащая на самом краю стола, позади женщины, прямо в зоне периферийного расфокуса.

— Мэддок, — резко бросил Хейз. Его низкий, лишенный эмоций голос разрезал благоговейную тишину подвала, разрушая магию воспоминания. — Останови воспроизведение.

Голограмма дернулась и замерла. Женщина застыла с полуулыбкой на губах, превратившись в красивую, но мертвую трехмерную статую.

— Увеличь квадрат 4-Бис, — скомандовал Хейз, указывая пальцем в перчатке на виртуальный стол. — Правый нижний угол. Максимальная резкость, какую сможешь вытянуть.

Архивариус хмыкнул и покрутил рифленое кольцо на своем глазном протезе, синхронизируя его с интерферометром.

Изображение в центре комнаты дернулось. Фигура женщины расплылась, уходя за границы кадра, а часть стола стремительно приблизилась. Пиксели растянулись, превращаясь в мутные квадраты, но Мэддок запустил алгоритм сглаживания.

На верхнем документе в стопке четко проступил черный логотип.

Стилизованный, агрессивный силуэт золотого сокола, сжимающего в когтях микрочип. И подпись под ним: *«Корпорация Рот-Интернешнл. Отдел контроля и стандартизации памяти».*

А в самом низу документа, в правом углу, стоял казенный штамп с датой: 12 октября 2244 года.

Ровно двести лет назад.

Хейз прищурился, вглядываясь в цифры. Боль в шее начала медленно отступать, сменяясь холодной, кристальной ясностью расследования. Пазл начал складываться.

— Рот-Интернешнл, — по слогам прочитал Оливер, подходя вплотную к увеличенной голограмме. Стажер переводил ошарашенный взгляд с логотипа на Хейза. — Это же старая корпорация Корнелиуса Рота. Убитого Советника. Но дата... Двести лет назад? Как это возможно?

— Именно, Пейдж, — Хейз отвернулся от голограммы, и Мэддок, поняв жест детектива, щелкнул рубильником. Проекция исчезла. Комната снова с облегчением погрузилась в серый, сырой полумрак подвала. — Убийца, вскрывший грудную клетку Советника — не сумасшедший радикал из Синдиката. И он не случайный уличный маньяк, которому нужны деньги.

— Тогда кто он? — Оливер нервно сглотнул.

Хейз подошел к аппарату. Кожух поднялся. Детектив достал черный стеклянный диск и аккуратно опустил его обратно в герметичный пакет для улики.

— Тот, у кого двести лет назад отняли это счастье, — ровным, ледяным тоном произнес Хейз. — Советник Рот стоял у самых истоков системы контроля памяти и процедуры Жатвы. Кто-то затаил на него обиду. Обиду, которая не стерлась за два века. Убийца мог бы просто прислать в Департамент файл с угрозами или манифестом. Но вместо этого он заставил нас смотреть на эту смеющуюся женщину. Он показывает нам свой мотив.

Хейз развернулся и направился к железной лестнице, ведущей на основные этажи Департамента.. Оливер поспешил за ним, стараясь не отставать.

— Но детектив, — голос стажера эхом отскакивал от бетонных стен лестничного пролета. — Если этому человеку больше двухсот лет, почему он начал убивать только сейчас? Почему он ждал два века? И главное — как его мозг выдержал такой срок без Жатвы? Он должен был давно сойти с ума от Перегрузки! Никто не может нести в себе столько воспоминаний и сохранить рассудок, чтобы спланировать идеальное убийство!

Хейз остановился на первой ступеньке. Он медленно повернулся и посмотрел на стажера сверху вниз.

— В этом и есть главная загадка, Пейдж, — произнес детектив. — Либо он нашел способ обойти биологический предел емкости и сохранить свой разум, став феноменом. Либо... убийца — это не один человек. Возможно, это целая группа фанатиков, передающая эту мис-

сию мести и этот старый диск из поколения в поколение. Мы ищем призрака, Оливер. Призрака, который рассылает первую главу старой, забытой книги.

Детектив развернулся и снова начал подниматься по металлическим ступеням.

— И я уверен в одном, — бросил Хейз через плечо. — Корнелиус Рот — не последняя жертва в этом списке. Поднимай архивы по всем руководителям «Рот-Интернешнл» двухвекковой давности. Мы должны узнать, чьи еще имена фигурировали в тех документах. Если мы найдем их, мы найдем следующую цель.

Выйдя из подвала в шумный, залитый неоном коридор Департамента, Хейз рефлекторно дотронулся до шеи.

Шрамы всё еще неприятно пульсировали, отдавая тупой, ноющей болью в основание черепа.

«Пора на техническое обслуживание, пора менять фильтры», — отстраненно подумал он, массируя жесткую кожу.

Хейз легко списал этот спазм на побочный эффект от визуального контакта с некомпрессированным, старым кодом. Интерферометры прошлого века всегда конфликтовали с его современными нейро-имплантами, вызывая перепады напряжения в зрительном нерве и легкий фантомный зуд. Обычная профессиональная издержка старого копа.

Он вытащил из бездонного кармана плаща мятую сигарету с синтетическим табаком, зажал ее зубами и посмотрел на Оливера. Стажер выглядел потерянным. Его взгляд всё еще блуждал где-то там, в подвале, в залитой солнцем комнате из чужого воспоминания.

— Не привязывайся к призракам, малец, — глухо сказал Хейз. Он щелкнул зажигалкой и выпустил в потолок густое облако сизого дыма. — Даже если эта женщина на записи кажется тебе живой и теплой, для нас она — просто мертвый набор пикселей. Очередная улика в пластиковом пакете. И ничего больше. Пошли. Нам нужно найти человека, который всё еще дышит.

ГЛАВА 3: ЧУЖИЕ СНЫ

Окраины мегаполиса не просто пахли — они источали густой, осязаемый смрад... Сюда, в самые глухие бетонные карманы Кредо, никогда не долетал свет прожекторов Старого Города. Если в центре, в сияющей Амальгаме, архитектура стремилась к прозрачности и стеклу, то здесь царили глухой бетон, арматура и вечная, клаустрофобная теснота.

Неоновые вывески в этой части города были тусклыми, многие буквы перегорели, отбрасывая на мокрый асфальт рваные, эпилептические вспышки. Люди здесь не гуляли. Они передвигались быстрыми перебежками, вжимая головы в плечи и плотно кутаясь в бесформенные синтетические плащи, скрывая свои лица от редких камер и друг друга.

Полицейский аэрокар остался на охраняемой ведомственной стоянке двумя уровнями выше. Дальше Хейз и Оливер шли пешком. Для тяжелой техники спуски были слишком узкими, а местные жители имели привычку разбирать на запчасти всё, что оставляли без призора дольше, чем на десять минут.

— Вы уверены, что нам сюда, детектив? — Оливер нервно оглядывался по сторонам, инстинктивно держа правую руку на кобуре с табельным излучателем.

Грязная вода с ржавых труб теплотрассы, нависающей над их головами, тяжелыми каплями падала ему за воротник, заставляя стажера постоянно вздрагивать.

— Официальные архивы Департамента могли бы дать нам зацепку, если мы подадим правильный запрос...

— Официальные архивы Департамента чистятся каждые полвека, Пейдж, — перебил его Хейз, не сбавляя ровного, размеренного шага. Его тяжелые ботинки уверенно ступали по металлическому настилу, не избегая луж. — А логи двухсотлетней давности, связанные с «Рот-Интернешнл», были не просто засекречены. Они были физически вымараны из системы еще до того, как твои родители появились на свет. Элита умеет прятать свои скелеты. Если мы пустим официальный запрос, в Башне «Орион» загорится красная лампочка, и мы спугнем дичь. Нам нужен тот, кто коллекционирует то, что другие выбрасывают в утилизатор.

Хейз круто свернул в узкий проулок, перешагнув через маслянистую лужу, переливающуюся бензиновой радугой в темноте.

Они вошли в зону, которую местные называли «Синкоп». Это был эпицентр черного рынка памяти.

В мире, где люди жили столетиями, многим не хватало смелости, денег или удачи прожить собственную яркую жизнь. Они приходили сюда, в эти провонявшие мочой и сыростью подворотни, чтобы нелегально купить чужие, украденные или списанные воспоминания. Полет над настоящим океаном, вкус натурального мяса, жаркий первый поцелуй, адреналин от прыжка с парашютом — всё это можно было закачать себе прямо в кору головного мозга на пару часов через пиратские, нестерильные нейро-порты.

Зависимость от чужого счастья убивала быстрее любого синтетического наркотика. Мозг наркомана переставал вырабатывать собственный дофамин, требуя всё новых и новых доз чужой жизни.

Оливер сглотнул, глядя на ниши в бетонных стенах. В темноте, поджав под себя ноги, сидели спорбленные, истощенные тени. У них были остекленевшие глаза, смотрящие в никуда. От затылков тянулись грязные кабели к портативным, кустарно собранным батареям.

Стажер увидел молодую женщину в лохмотьях, сидящую прямо на мокром бетоне. По ее впалым щекам текли слезы, но ее губы растянулись в блаженной, жуткой улыбке. Она беззвучно шевелила губами, глядя руками пустоту, проживая чье-то украденное материнство.

— Не смотри на них, — жестко бросил Хейз, заметив замешательство напарника. — Они уже мертвы. Их тела просто еще не поняли этого.

Детектив остановился у массивной стальной двери, вмонтированной прямо в глухую бетонную стену бывшей вентиляционной шахты. Поверхность металла была сплошь покрыта кислотным граффити и следами от старых плазменных ожогов.

Хейз не стал стучать. Это было бессмысленно. Он достал из внутреннего кармана плаща полицейский магнитный дешифратор, приложил его к скрытому замку и нажал кнопку. Прибор тихо пискнул, подбирая частоту. Спустя три секунды светодиод на двери мигнул зеленым, и тяжелая створка с натужным скрежетом отъехала в сторону, открывая проход в темноту.

Внутри было невыносимо душно. Помещение напоминало гибрид серверной станции и свалки антиквариата. Полки, уходящие под потолок, ломились от пыльных голопроекторов, пустых стеклянных капсул «Граммофонов», выпотрошенных дронов и запутанных клубков оптоволокну. Единственным источником света в комнате был большой, мерцающий экран терминала, стоявший на столе в центре этого хаоса.

За терминалом никого не было.

Хейз мгновенно остановился на пороге, словно наткнулся на невидимую стену. Его правая рука, до этого свободно висевшая вдоль тела, молниеносно скользнула под плащ и легла на ребристую рукоять табельного плазменного излучателя.

— Сэр? — Оливер сделал шаг вперед, пытаясь заглянуть через плечо наставника.

— Тихо, — процедил Хейз. Его серые глаза сузились, сканируя пространство.

Лишенный страха и инстинкта самосохранения, мозг детектива работал как высокоточный сенсор. Он мгновенно оценил обстановку. Вентиляторы охлаждения на серверах работали тихо. Сквозняка не было. Но в душном, застоявшемся воздухе комнаты висел слабый, сладковатый, почти металлический запах озона. Запах ионизированного воздуха, который остается после недавно выпущенного плазменного заряда.

Хейз медленно, бесшумно двинулся вглубь комнаты, огибая заваленные хламом стеллажи. Оливер, наконец поняв, что происходит, вытащил пистолет, и его руки предательски задрожали.

За центральным столом, в луже стремительно густеющей крови, лежал тучный мужчина в засаленном техническом комбинезоне. Его лицо было уткнуто в клавиатуру. Затылок информатора представлял собой жуткое зрелище: его нейро-порт был выжжен точным, концентрированным попаданием, оставившим после себя лишь дымящуюся, обугленную воронку в черепе. Информатор был мертв не больше десяти минут.

— Дьявол... — выдохнул Оливер. Его голос сорвался, когда он в ужасе уставился на дымящийся труп. — Мы опоздали. Убийца опередил нас? Как он узнал, что мы пойдем сюда?

Хейз присел на корточки, не убирая оружия, и коснулся края кровавой лужи кончиками пальцев в перчатке. Кровь была еще обжигающе теплой.

— Это не почерк нашего убийцы, Пейдж, — тихо, не поворачивая головы, сказал детектив. — В Башне «Орион» маньяк работал старым стальным скальпелем. Это был ритуал, хирургия, послание. А здесь — плазма. Обычная, грязная, корпоративная зачистка. Убийце со скальпелем не было смысла выжигать порт, он бы просто...

Звук лязгнувшего затвора, пришедший откуда-то сверху, заставил Хейза мгновенно замолчать.

Стекло широкой вентиляционной решетки под потолком с оглушительным грохотом разлетелось вдребезги. Вместе с осколками из темноты шахты выскользнули три гибкие фигуры,

облаченные в матово-черную, поглощающую свет тактическую броню без опознавательных знаков.

Всё произошло за доли секунды. Для Оливера время ускорилося, слившись в паническую карусель. Для Хейза, чьи рефлексy не были затуманены ни страхом, ни инстинктом самосохранения, время послушно замедлилось, разбившись на четкие геометрические векторы.

Он ушел в перекач вправо, за мгновение до того, как первая ослепительно белая плазменная очередь разорвала бетонный пол ровно на том месте, где он только что сидел на корточках.

— В укрытие! — рявкнул Хейз, его голос перекрыл грохот выстрелов.

Стажер, побледнев до синевы, рухнул на пол и на четвереньках бросился за массивный серверный шкаф. Плазменные заряды с шипением врезались в стойки, плавя металл и пластик, наполняя комнату едким, удушливым дымом горящего кремния.

Хейз укрылся за металлическим стеллажом с антиквариатом. Он выхватил излучатель. Его дыхание оставалось идеально ровным, а пульс не поднялся ни на один удар выше нормы. В то время как Оливер за шкафом трясся от прилива адреналина, зажмурив глаза от грохота, Хейз действовал с пугающей эффективностью боевого алгоритма.

Он не стрелял вслепую. Детектив высунулся из-за стеллажа ровно на полсекунды. Его мозг просчитал траекторию. Два коротких, экономных выстрела — синие вспышки табельного оружия.

Хейз снова нырнул в укрытие. Раздался глухой, тяжелый стук падающего тела и звон бьющегося стекла — один из наемников рухнул с пробитым визором шлема, опрокинув на себя полку с голопроекторами.

— Обходят слева! — истерично крикнул Оливер, судорожно пытаясь снять свой пистолет с предохранителя. Его мокрые пальцы скользили по металлу.

Второй наемник уже огибал серверный шкаф, вскидывая тяжелую плазменную винтовку прямо на стажера. Лазерный целеуказатель скользнул по груди Оливера. Парень замер, парализованный страхом, глядя в черное стекло чужого шлема. Он готовился умереть.

Но выстрела не последовало.

Хейз, двигаясь с невероятной, животной скоростью, рванулся из своего укрытия наперез траектории стрелка. Он не стал тратить время на прицеливание. Сократив дистанцию до минимума, детектив с силой обрушил тяжелую металлическую рукоять своего излучателя прямо в основание шеи наемника — в самую уязвимую точку любой брони, туда, где располагался нейро-порт.

Удар был страшным. Наемник издал сдавленный хрип, выронил винтовку и рухнул на колени, парализованный болевым шоком от повреждения нервного узла.

Хейз не остановился. Без единой эмоции на лице, холодным, расчетливым и текучим движением он обхватил голову наемника в шлеме и с хрустом свернул ему шею. Тело обмякло и повалилось на бок.

Третий наемник, увидев, как двое его напарников были уничтожены за пять секунд, понял, что преимущество потеряно. Он имел дело не с обычными патрульными копами. Он имел дело с монстром.

Чистильщик бросил дымовую гранату, развернулся и рванул к открытой входной двери.

— Стой! — крикнул Оливер, наконец справившись с предохранителем и поднимая пистолет. Но его руки дрожали так сильно, что дуло ходило ходуном, а густой белый дым застилал обзор. Он не мог прицелиться.

Хейз не кричал предупреждений. Он просто вскинул излучатель сквозь дымовую завесу, просчитав скорость бегущего, и выстрелил.

Плазменный заряд прожег икру наемника насквозь, расплавив кевлар и плоть. Чистильщик с истошным воплем рухнул на металлический настил, не добежав до спасительной темноты переулка всего пару метров.

Детектив опустил оружие. Он неспешно, твердым шагом подошел к корчащемуся на полу стрелку, отгоняя рукой едкий дым. Оливер, тяжело дыша, с широко раскрытыми глазами и всё еще сжимая пистолет, осторожно подошел следом, стараясь не смотреть на человека со сломанной шеей.

Хейз встал над раненым. Без лишних слов он поднял ногу и тяжело, всем своим весом, наступил ботинком прямо на простреленную, дымящуюся икру наемника.

Тот взвыл от невыносимой боли, извиваясь под давлением детектива, пытаясь оттолкнуть его ногу.

— Кто вас нанял? — голос Хейза был лишен всякой интонации. В нем не было злости или садизма. Это был голос машины, требующей ввода данных.

— Пошел ты... — прошипел наемник сквозь зубы, сплевывая кровь на решетчатый пол. Его лицо под разбитым забралом было серым от боли. — Корпоративные законы... мы застрахованы... я ничего не скажу легавым...

Хейз не стал спорить. Он просто перенес вес на простреленную ногу и слегка провернул каблук.

Хрустнули обгоревшие кости. Вопль наемника эхом отразился от бетонных стен подвала, заглушая шум кислотного дождя снаружи.

Оливер вздрогнул всем телом, словно эта боль передалась ему.

— Детектив... — неуверенно начал стажер. Его мутило от жестокости наставника, от этого холодного, отстраненного насилия. — Мы должны его допросить в участке... по протоколу...

Хейз даже не повернул головы в сторону стажера. Он наклонился ближе к лицу наемника, глядя ему прямо в глаза.

— Ты не Синдикат Стертых, — тихо произнес Хейз. — У вас заводская, номерная броня и стандартизированное плазменное оружие высшего класса. Вы — частные корпоративные чистильщики. И кто-то очень богатый, кто-то из Башен, нанял вас, чтобы заткнуть моего информатора до того, как я успею задать ему вопросы про двухсотлетние архивы корпорации «Рот-Интернешнл». Имя заказчика. Сейчас.

Наемник хрипел, глядя в абсолютно пустые, безжалостные серые глаза Хейза. В них не было дна. Наемник, прошедший десятки горячих точек, вдруг понял, что перед ним человек, который не остановится ни перед чем, потому что ему просто нечем сочувствовать.

— Мы... мы не знаем заказчика! — выдавил стрелок, задыхаясь от боли и ужаса. — Клянусь! Контракт прошел через теневые слепые узлы. Нам просто скинули цель на нейрولينзы... и список.

— Какой список? — Хейз слегка надавил ботинком.

— Список адресов! Этот толстый информатор был только началом. Мы должны зачистить еще один контакт. Тот, который копал архивы по «Рот-Интернешнл» месяц назад. Группа уже там!

Хейз слегка ослабил давление.

— Дай мне адрес второй цели. Быстро.

Наемник, скулдя, трясущимися руками активировал проекцию со своего наручного терминала на левом предплечье. В воздухе над лужей крови зависли мерцающие координаты жилого блока в Седьмом секторе.

— Это старый историк, — прохрипел стрелок. — Архивариус-любитель. Он искал информацию о людях на старом видео-диске для кого-то... заказчик велел убрать его сегодня ночью. Очистить всё.

Хейз выключил проекцию, скопировав координаты на свой полицейский планшет. Затем он достал из кармана плаща моток пластиковых тактических стяжек и не глядя бросил их Оливеру.

— Упакуй его и вызови патруль с парамедиками.

— Сэр... я не понимаю, — Оливер, всё еще потрясенный произошедшим, неуклюже поймал стяжки на лету. Его взгляд метался между трупом информатора и наемником. — Зачем Убийце из Башни оставлять нам этот Граммофон как прямую подсказку, а потом нанимать отряды чистильщиков, чтобы они убивали информаторов и обрывали наш след? Это же бред. Зачем вести нас и одновременно мешать нам?

— Это не бред, Пейдж, — Хейз поправил воротник плаща, глядя на темнеющий дверной проем, за которым стеной лил дождь. — Просто ты путаешь фигуры на доске. Это две совершенно разные силы.

Детектив шагнул к выходу, перешагивая через тело.

— Тот маньяк со скальпелем хочет, чтобы мы нашли лицо женщины с голограммы. Он бросает нам хлебные крошки, играя с нами в свою игру. А вот эти ребята с плазменными винтовками... они работают на кого-то из Элиты. На кого-то, кто понял, что старые секреты начали всплывать на поверхность, и теперь этот «кто-то» в панике подчищает концы, сжигая всё на своем пути.

Хейз вышел под кислотный дождь.

— Выполняй приказ, Оливер. Дождись патруля, — бросил Хейз через плечо, направляясь к аэрокару. — У нас гонка на опережение. И я должен добраться до этого историка раньше, чем до него доберутся корпоративные чистильщики. Или... раньше, чем до него доберется наш Убийца.

ГЛАВА 4: БУМАЖНЫЕ ПРИЗРАКИ

Полицейский аэрокар, тяжелая, бронированная машина из черного матового сплава, рассекал плотный, ядовитый слой смога над Седьмым сектором. Он летел, словно невидимый нож, разрезающий грязную ткань ночного неба. Крупные, тяжелые капли кислотного дождя с силой барабанили по толстому пуленепробиваемому стеклу, размывая огни мегаполиса Кредо в длинные, кровоточащие неоновые полосы — красные, желтые и болезненно-фиолетовые.

Хейз вел машину в абсолютном, звенящем одиночестве.

Он оставил Оливера там, в провонявшем озонном и кровью подвале на черном рынке памяти. Стажеру был дан прямой приказ: пристегнуть корчащегося от боли корпоративного наемника пластиковыми стяжками к ближайшей несущей трубе, дожидаться патрульных дронов и парамедиков, а затем оформить первичный протокол.

Но Хейз знал, что настоящая причина была в другом. Мальчишке нужно было время, чтобы переварить произошедшее. Ему нужно было время, чтобы перестать видеть перед глазами свернутую под неестественным углом шею второго стрелка и перестать чувствовать липкий запах сожженной плазмой плоти.

Настоящее, не стерилизованное экранами телевизоров расследование — это не место для тех, кого тошнит от вида жестокости. А в квартире историка, куда сейчас на максимальной тяге направлялся детектив, жестокости ожидалось много. Корпоративные чистильщики никогда не оставляли свидетелей.

Пульс Хейза, судя по ровному зеленому индикатору на приборной панели, встроенной прямо в стекло кабины, составлял идеальные шестьдесят ударов в минуту.

Смерть, перестрелки, запах сгоревшего кевлара, адреналин, зашкаливающий в крови — всё это больше не вызывало у него ни малейшего всплеска эмоций. Он методично и скрупулезно стирал их на протяжении двух Жатв, оставляя лишь холодный, безупречно работающий алгоритм действий. Он был пуст. И в этой пустоте крылась его абсолютная эффективность.

Хейз сбросил скорость. Навигатор тихо пискнул, выводя на стекло голографическую сетку района.

Седьмой сектор. Жилой блок 404-А.

Детектив посадил аэрокар на узкую, насквозь проржавевшую посадочную платформу шестьдесят второго этажа. Магнитные подушки машины с шипением выпустили облако раскаленного пара, испаряя лужи на металлическом настиле.

Жилой блок представлял собой монументальное свидетельство градостроительного отчаяния. Это был гигантский муравейник, отлитый из дешевого пористого бетона и скрепленный листами синтетического пластика. Тысячи крошечных, почти одинаковых ячеек, в которых ютились те, кому не повезло родиться в Амальгаме или удержаться за ее сверкающими зеркальными стенами. В узких, продуваемых сквозняками коридорах воняло горелой синтетической лапшой, застоявшейся водой из неисправных фильтров и кислым запахом давно невымытых тел.

Хейз вышел под дождь, хлопнув тяжелой дверцей аэрокара. Он надвинул шляпу на глаза и направился к ряду одинаковых, обшарпанных дверей, чья краска облупилась еще век назад. Нужная ему квартира значилась под номером 62-14.

Еще за десять метров до двери сенсоры Хейза — и те, что были вживлены в его тело, и те, что выработались за четыре века службы — всё поняли.

В сыром, застоявшемся воздухе коридора отчетливо висел знакомый, резкий запах. Озон, перекаленный металл и жженный полимер. Запах, который остается только после применения армейского энергетического оружия.

Детектив остановился. Магнитный замок квартиры 62-14 больше не существовал. Вместо него на уровне дверной ручки зияла черная дыра, а на пол натекла лужица застывшего, всё еще теплого металла. Массивная дверь была слегка приоткрыта, повиснув на одной оплавленной петле.

Хейз бесшумно выхватил свой табельный излучатель из кобуры под плащом. Он прижался спиной к стене рядом с дверным проемом, прислушался к тишине квартиры, а затем быстрым, текучим движением скользнул внутрь.

В квартире было темно. Единственным источником света служила огромная, мерцающая рекламная голограмма, пробивающаяся сквозь поломанные жалюзи с улицы. Она отбрасывала на стены искаженные, дергающиеся тени. Хейз активировал подствольный фонарь на излучателе. Узкий луч холодного белого света разрезал пыльный, взбаламученный воздух.

Квартира историка Элиаса Торна представляла собой абсолютный, методично организованный хаос.

Корпоративные чистильщики не просто искали какую-то информацию — они проводили операцию по тотальному уничтожению данных. Они стирали целую жизнь.

Высокие серверные стойки, которые историк, видимо, собирал по частям на черных рынках, были разбиты вдребезги. Экраны терминалов зияли черными, оплавленными дырами от плазменных выстрелов, сделанных в упор. Дорогие, нелегальные квантовые накопители, на которых люди хранили информацию, не доверяя облачным хранилищам Кредо, были расплавлены в лужицы всё еще шипящего, пузырящегося кремния. Повсюду валялись куски изоляции и обрывки оптоволокон, похожие на внутренности убитой машины.

Хозяин квартиры, Элиас Торн, нашелся в спальне, в самом конце коридора.

Старик лежал на полу, раскинув руки в стороны, словно пытался закрыть собой пространство комнаты. На нем был простой, выцветший домашний халат. В самом центре его груди чернела широкая, обугленная дыра от плазменного заряда. Выстрел был сделан в упор — края раны были мгновенно прижжены чудовищной температурой, поэтому крови на полу почти не было. Только запах сожженной плоти, смешанный с гарью пластика.

Хейз опустил оружие, не ставя его на предохранитель. Он подошел к телу, присел на одно колено и активировал сканер на своих нейро-перчатках. Тонкая ткань на кончиках его пальцев засветилась мягким желтым светом. Он провел рукой над обугленной раной старика.

«Тепловой след ядра заряда стремительно остывает, — констатировал внутренний таймер детектива, обрабатывая данные со сканера. — Выстрел произведен двадцать, максимум двадцать пять минут назад».

Они ушли. Растворились в дожде.

Эта группа чистильщиков работала параллельно с той, что напала на информатора в подвале «Синкопа». Элита, нанявшая их, не хотела рисковать. Они устраняли все ниточки, все возможные источники утечки информации одновременно, чтобы не дать полиции или кому-либо еще ни единого шанса сложить пазл.

— Сожгли всё дотла, — тихо, без тени сожаления произнес Хейз в пустой комнате.

Он поднялся на ноги и пнул носком ботинка оплавленный кусок жесткого диска, который с глухим стуком отлетел к стене.

Чистильщики были профессионалами. Они были абсолютно уверены, что уничтожили все носители. Всё, что этот старый историк знал о корпорации «Рот-Интернешнл», всё, что он

мог раскопать о той женщине со старого видео-диска, казалось, превратилось в бесполезный, невозстановимый шлак.

Но Хейз не спешил уходить. Он медленно выпрямился. Его холодные, серые глаза начали методично скользить по разгромленной комнате, фиксируя каждую деталь, каждое несоответствие.

Наемники мыслили стандартами своего, двадцать пятого века. Они были детьми цифровой эпохи. Для них информация существовала только в виде кода, пикселей, голограмм и квантовых битов. Они жгли цифру, уверенные, что уничтожив носитель, они уничтожают само знание.

Но убитый Элиас Торн был историком. Человеком, чья страсть и чья жизнь заключались в том, чтобы копаться в глубоком, покрытом пылью веков прошлом. Такие люди, как он, знали главное правило, забытое современным миром: цифра недолговечна. Код можно переписать, облачные хранилища можно стереть по приказу Совета, а серверы можно расплавить плазмой. Цифровой след всегда можно отследить и уничтожить.

Хейз убрал излучатель в кобуру. Он начал методично, миллиметр за миллиметром осматривать комнату. Он постукивал костяшками пальцев по стенам, вслушиваясь в звук отраженного эха. Он сканировал пол с помощью перчаток, проверял стыки вентиляционных решеток, заглядывал за оплавленные рамы головизоров.

Наконец, его внимание привлек массивный, чудовищно архаичный книжный шкаф, стоявший в самом темном углу спальни, заваленный обломками пластика и кусками штукатурки.

Большинство «книг» на его полках были лишь дешевыми голографическими муляжами — проекциями, создающими иллюзию старины. Но сам каркас шкафа был сделан из настоящего, тяжелого дерева. Большая редкость и безумная роскошь для жителя Седьмого сектора.

Хейз подошел вплотную. Наемники даже не тронули этот шкаф, посчитав его бесполезным куском мебели, не излучающим ни единого радиосигнала.

Детектив уперся обеими руками в центральную дубовую полку. Он напряг мышцы и с силой надавил вниз и от себя.

Ничего не произошло.

Тогда он изменил вектор давления, нажав на левый край полки и потянув на себя.

Раздался сухой, механический щелчок. Никаких сервоприводов, никакого электронного жужжания. Только звук дерева, трущегося о дерево, и лязг старых пружин.

Задняя панель шкафа, замаскированная под глухую стену, чуть отъехала в сторону, открывая неглубокую прямоугольную нишу, вырубленную прямо в бетонном блоке здания.

Хейз усмехнулся краешком губ.

Тайник с чисто механическим приводом. Сканеры наемников его просто не увидели, потому что в этом механизме не было ни одного провода, ни одного микрочипа или батареи, которые можно было бы засечь.

Детектив просунул руку в нишу. Его пальцы наткнулись на холодный, тяжелый металл. Он вытащил оттуда плоскую, тяжелую коробку размером с книгу.

Металл оказался свинцом. Хейз одобрительно кивнул: свинец надежно экранировал содержимое коробки от любых электромагнитных импульсов, сканирующих лучей и попыток удаленного стирания данных. Старик Торн был параноиком, и эта паранойя сохранила его тайну после смерти.

Детектив смахнул мусор с уцелевшего края письменного стола, положил на него свинцовую коробку и отщелкнул две тугие защелки. Крышка с тяжелым скрипом откинулась назад.

Внутри не было ни кристаллов памяти, ни черных дисков Граммофонов, ни голографических накопителей.

Там лежала тонкая, неприметная картонная папка.

Хейз осторожно извлек ее. В нос ударил странный, давно забытый запах. Запах старой, высыхающей целлюлозы, вековой книжной пыли и чем-то неуловимо горьким — возможно, клеем или старыми чернилами. Запах материального, осязаемого прошлого.

Он открыл папку. Под лучом подствольного фонаря страницы казались хрупкими, словно крылья мертвых бабочек.

На первой странице был распечатан старый, многостраничный корпоративный приказ. На самом верху пожелтевшей бумаги тускло блестел знакомый логотип «Рот-Интернешнл» — агрессивный сокол, сжимающий в когтях микрочип.

— Проект «Чистый Разум», — медленно, вслух прочитал Хейз заголовок документа. — Директива о принудительной стандартизации процедуры Жатвы для всех граждан мегаполиса. Уровень доступа: Красный. Дата утверждения...

Детектив сглотнул.

— ...Дата утверждения: 12 октября 2244 года.

Тот самый год. Тот самый день, штамп которого стоял на документах из украденного воспоминания.

Хейз начал быстро пробегаться глазами по плотным строкам текста, написанным архаичным, сухим казенным языком.

Документ был планом. Глобальным, чудовищным в своей прагматичности планом. Советник Рот и его корпоративные партнеры лоббировали закон, по которому Правительственный Архив получал право не просто пассивно хранить стертые воспоминания граждан, как это было принято изначально.

Закон давал корпорациям право использовать их. Анализировать поведенческие паттерны. Извлекать коммерческие тайны. Продавать чужие навыки, таланты и страхи. Рот, этот ублюдок, еще двести лет назад понял, что память миллиардов людей — это не просто мусор. Это самая ценная, неисчерпаемая база данных в истории человечества. Но чтобы получить к ней доступ, им нужно было заставить всех граждан проходить процедуру стирания принудительно, под благовидным предлогом заботы о психическом здоровье нации.

«Они превратили наши умы в свою сырьевую базу», — констатировал Хейз.

Он осторожно перевернул тяжелую страницу документа.

И замер.

Под приказом, заботливо вложенный в прозрачный пластиковый файл, лежал небольшой прямоугольник плотной бумаги. Это была не голограмма и не распечатка с терминала. Это была настоящая, отпечатанная химическим способом фотография.

С глянцевого, чуть потрескавшейся поверхности на детектива смотрела та самая женщина. Женщина из воспоминания на старом Граммофоне.

На ней было то же самое белое платье, открывающее ключицы. Но здесь, на этой фотографии, она не смеялась. Это было официальное, сухое фото, сделанное, судя по яркому белому свету и стерильным стенам на фоне, в какой-то лаборатории или клинике. Ее лицо было бледным, глаза смотрели прямо в объектив с невыразимой, покорной тоской, смешанной со страхом.

В нижнем правом углу снимка, прямо поверх изображения, синими, выцветшими чернилами была выведена бездушная канцелярская надпись:

«Объект 01. Эвелин. Статус: Утилизирована».

В ту секунду, когда глаза Хейза прочитали имя «Эвелин», его мозг взорвался.

Это не было просто мыслью или случайно всплывшим ассоциативным рядом. Это был чистый, первобытный, разрушительный физиологический шок.

Резкая, ослепляющая вспышка белой боли прошла его череп от затылочной кости, пробила мозг насквозь и вонзилась прямо за глазные яблоки.

Два глубоких крестообразных шрама на его шее, следы двух пройденных Жатв, раскалились так, словно к ним, пробив плотную кожу, приложили оголенный, гудящий провод под высоким напряжением.

Хейз сдавленно, животом хрипнул. Боль вышибла из него дух. Он пошатнулся, потеряв равновесие, и инстинктивно, судорожно схватился левой рукой за край стола, чтобы не рухнуть на пол. Пальцы с такой силой впились в дерево, что под ногтями брызнула кровь.

Фонарик в его правой руке дрогнул, отбросив дикие, мечущиеся тени на стены разгромленной спальни.

В нос детектива, сквозь вонь озона и сожженного мяса, вдруг ударил невозможный, мощный фантомный запах. Запах цветущей весенней сирени и свежего озона после грозы — запах, которого просто физически не могло быть в провонявшем кровью, гарью и гнилью Седьмом секторе.

Перед внутренним взором детектива, ломая все выстроенные им за две сотни лет барьеры, на долю секунды вспыхнул ослепительный, режущий белый свет — словно кто-то включил хирургическую лампу прямо внутри его черепа. В ушах раздался пронзительный, сводящий с ума высокочастотный писк, перекрывший даже шум дождя за окном. Грудную клетку сдавило невидимым прессом так сильно, что Хейз физически не смог сделать вдох.

Это был не просто сбой. Это была паническая атака мертвого органа. Его мозг, наткнувшись на слово «утилизирована» рядом с этим лицом, выдал критическую ошибку, пытаясь обратиться к кластеру памяти, который был физически выжжен двести лет назад.

Хейз стиснул зубы с такой силой, что в тишине комнаты раздался мерзкий хруст сжимаемых челюстей. Он заставил свою нейросистему, свой модифицированный полицейский мозг, принудительно перезагрузить зрительные фильтры и подавить выброс кортизола.

Он тяжело, с присвистом дышал, нависая над столом и опираясь на него обеими трясущимися руками. Боль медленно, неохотно отступала, уползая обратно в темные уголки его сознания, оставляя после себя лишь липкий, ледяной пот на лбу и бешено, птичьим ритмом колотящееся сердце.

Индикатор пульса на запястье, обычно не поднимавшийся выше шестидесяти, впервые за целый век скакнул до ста сорока ударов в минуту.

«Локальный скачок напряжения в зрительном импланте, — приказал себе думать Хейз, судорожно восстанавливая дыхание и выпрямляя спину. — Мощный электромагнитный фон от выстрелов плазменных винтовок чистильщиков всегда дает системные помехи на старую оптику. Просто сбой железа».

Он заставил себя снова опустить взгляд на стол. На снимок.

Лицо женщины. Имя — Эвелин. Статус — Утилизирована.

Хейз вглядывался в ее черты, пытаясь нащупать внутри себя хоть каплю узнавания, хоть искру эмоции. Но там была лишь привычная, мертвая пустота. Он не чувствовал к ней ничего. Ни жалости, ни любви, ни скорби.

Но его тело... его биологическая оболочка почему-то отреагировала на это имя глобальным системным сбоем, как мощный компьютер, наткнувшийся на критически важный, но безвозвратно битый сектор. Его тело помнило то, что было стерто из разума.

— Твое имя убивает, Эвелин, — глухо, надтреснутым голосом произнес Хейз в пустой комнате. Звук его собственного голоса показался ему чужим.

Он аккуратно взял фотографию и документы, сложил их обратно в папку и спрятал глубоко во внутренний карман своего кевларового плаща.

— Судя по грифу, ты была нулевым пациентом в этом чудовищном эксперименте Рота, — продолжил рассуждать вслух детектив, возвращая себе холодную аналитическую хватку. — Тем самым первым толчком, из-за которого кто-то начал эту кровавую вендетту двести лет спустя. Кто-то, кто любил тебя достаточно сильно, чтобы не забыть.

Хейз перешагнул через тело убитого историка, даже не взглянув на него, и направился к выходу из квартиры.

Корпоративные чистильщики сожгли цифровой архив старика, превратив его в пепел. Но они упустили главное — аналоговую память.

Теперь у полиции был ясный, четко сформулированный мотив Убийцы. И у них было имя первой жертвы из прошлого.

Оказавшись в прохладном салоне аэрокара, Хейз активировал защищенный канал связи.

— Пейдж, ты закончил с наемником? — сухо спросил детектив, кладя руки на штурвал и вырывая машину в черное, дождливое небо.

— Так точно, детектив, — раздался в динамике чуть искаженный статикой, но уже более уверенный голос стажера. — Патруль и медики забрали его. Я еду в Управление. Вы... вы что-нибудь нашли в квартире историка?

— Я нашел причину, Пейдж, — холодно ответил Хейз, глядя на приближающиеся огни правительственных башен. — Мне нужен полный, нередктированный доступ к архивам совета директоров «Рот-Интернешнл» за 2244 год. Я хочу знать имена всех, кто поставил свою подпись под проектом «Чистый Разум».

Хейз увеличил тягу, и аэрокар рванулся вперед, разгоняя смог.

— Потому что именно этот список сейчас служит расстрельным для нашего Убийцы. И мы должны найти следующую цель до того, как он вскроет ей грудную клетку и оставит там очередную главу этой истории.

ГЛАВА 5: АРХИТЕКТОРЫ ПУСТОТЫ

Тяжелый бронированный аэрокар Хейза вырвался из узких, затянутых смогом коридоров Седьмого сектора и вылетел на широкую правительственную трассу. Дождь здесь казался не таким грязным, а мрак разбавлялся пульсирующим светом гигантских рекламных голограмм.

Центральное Управление Полиции Кредо располагалось на самой границе двух миров. Географически оно представляло собой массивный, приземистый бункер из темного армированного бетона, который словно вклинивался клином между ослепительно сияющим стеклом Амальгамы и ржавыми лабиринтами Слепых Углов. Управление было фильтром. Дамбой, сдерживающей агрессию окраин от рафинированного спокойствия центра.

Хейз посадил машину на ведомственную стоянку, заглушил магнитные двигатели и несколько секунд сидел в абсолютной тишине остывающей кабины.

Он достал из внутреннего кармана плаща плоский серебряный портсигар, нажал на скрытую кнопку, открывая потайное дно, и извлек крошечную белую капсулу нейро-стабилизатора. Детектив закинул ее в рот и проглотил, даже не запивая водой. Горький, химический вкус осел на языке.

Ослепляющая вспышка боли, прошившая его мозг в квартире убитого историка при виде имени «Эвелин», всё еще напоминала о себе тупой, ноющей пульсацией в затылке. Хейз закрыл глаза и методично просканировал собственное состояние. Дыхание в норме. Тремор рук отсутствует. Зрительные фильтры работают без искажений.

«Критическая ошибка кэширования, — в очередной раз хладнокровно констатировал его аналитический ум. — Старые разъемы конфликтуют с обновленными протоколами безопасности. Нужно будет заехать в медблок и запросить калибровку портов. Не хватало еще словить эпилептический припадок во время перестрелки из-за куска сгоревшего железа в шее».

Хейз вышел из машины, хлопнув тяжелой дверцей, и зашагал к служебному входу.

Внутри Управления царила атмосфера организованного, монотонного хаоса ночной смены. В воздухе висел неистребимый запах дешевого синтетического кофе, озона от работающих на пределе серверов и мокрой униформы. Мимо Хейза суетливо пробегали офицеры, конвоирующие задержанных из Слепых Углов — мелких дилеров чужой памяти, уличных грабителей и радикалов из Синдиката, чьи глаза дико блуждали из-за начальной стадии Перегрузки мозга.

Детектив миновал зону изоляторов и поднялся в аналитический отдел.

Просторный зал был погружен в полумрак. Над десятками пустых столов лениво кружились голографические заставки спящего режима. И только в самом дальнем углу, в рабочей зоне, закрепленной за их отделом, ярко светился столб синего света.

Оливер Пейдж сидел за терминалом, ссутулившись так сильно, словно гравитация в этой точке комнаты была втрое выше нормы.

Стажер выглядел ужасно. Он успел сменить насквозь промокшую от кислотного дождя форменную куртку на сухой уставной свитер, но его лицо было бледным, с отчетливыми тенями под глазами. Вокруг Оливера, словно рой потревоженных светлячков, висели десятки полупрозрачных голографических экранов. На них сплошным потоком бежали строки кода, мелькали старые фотографии, газетные вырезки двухвековой давности и бесконечные столбцы финансовых отчетов.

Услышав тяжелые шаги наставника, Оливер вздрогнул и резко обернулся.

— Детектив Хейз, — стажер попытался вскочить, но Хейз жестом приказал ему остаться на месте.

Детектив подошел к столу, снял промокшую шляпу и бросил ее на соседнее кресло.

— Корпоративного стрелка оформили? — сухо спросил Хейз, глядя на кружащиеся экраны.

— Да, сэр. Он в подземном изоляторе Департамента. Медики залатали его ногу. Корпоративные адвокаты слетелись быстрее, чем стервятники. Они уже подали прошение о его освобождении под залог, ссылаясь на нарушение протокола при задержании. Они утверждают, что мы превысили полномочия.

— Пусть утверждают, — Хейз достал из кармана плаща сложенную картонную папку, найденную в тайнике историка, и бросил ее на стол перед Оливером. Папка глухо хлопнула по пластику. — Он пробудет в камере ровно столько, сколько мне нужно, чтобы найти его заказчика. Что ты накопал по «Рот-Интернешнл»?

Оливер потер воспаленные глаза пальцами.

— Это было похоже на попытку собрать разбитую стеклянную вазу в темной комнате, детектив. Кто-то очень старательно, на протяжении целого века, вычищал упоминания об этом проекте из всех доступных баз данных. Официальные запросы в Корпоративный Реестр возвращали пустые страницы или статус «Доступ запрещен». Мне пришлось обойти брендмауэры и спуститься в аналоговые кэши налоговой службы. Корпорации могут стирать приказы и убивать историков, но они никогда не забывают о своих деньгах. Я искал финансовые переводы за 2244 год.

Стажер взмахнул рукой, смахивая лишние окна, и вывел на центральную панель один большой документ. Это была цифровая реконструкция выписки с банковских счетов.

— Двести лет назад проект «Чистый Разум» не был медицинской инициативой, как писали в учебниках истории, — голос Оливера дрогнул от сдерживаемого возмущения. Парень, выросший на идеалах защиты граждан, был откровенно потрясен тем, что раскопал. — Это был самый масштабный, самый циничный бизнес-план за всю историю Кредо.

Хейз обошел стол и встал за спиной стажера, вглядываясь в цифры.

— Продолжай, Пейдж.

— Советник Корнелиус Рот и его совет директоров поняли, что память людей — это ресурс, который буквально валяется под ногами, — Оливер указал на подсвеченные красным строки в отчете. — До 2244 года процедура Жатвы была добровольной. Люди шли на нее только тогда, когда чувствовали приближение Перегруза. Рот пролоббировал закон о принудительной, регулярной Жатве. Они создали Правительственный Архив. Но они не просто хранили эти черные диски с чужими воспоминаниями. Они их вскрывали.

Стажер вывел на экран несколько старых, размытых чертежей, похожих на схемы медицинских аппаратов.

— Они разработали нейро-экстракторы глубокого погружения. Они брали память обычных людей, изолировали самые сильные эмоции — первую любовь, моменты абсолютного счастья, адреналин, гениальные озарения — и перепакывали их. А затем продавали это на закрытых аукционах. За бешеные деньги. Элита в Амальгаме платила состояния, чтобы закачать в свои пустые, скучные мозги чистейший, дистиллированный концентрат чужого счастья. Рот построил свою финансовую империю на торговле человеческими душами.

Хейз слушал это молча. Его лицо оставалось маской, высеченной из серого камня. Он сам прошел через Жатву дважды, отдавая свои воспоминания в этот самый Архив. Мысль о том,

что какой-то зажавшийся ублюдок в зеркальном пентхаусе мог покупать его воспоминания, как дозу стимулятора, должна была вызвать ярость.

Но ярости не было. Файл «эмоциональная уязвимость» был удален. Была лишь сухая, абсолютная логика.

— Торговля памятью требует сырья, — произнес Хейз, опираясь руками о спинку кресла Оливера. — И чтобы запустить конвейер, им нужно было протестировать технологию. Им нужны были подопытные. Те, на ком они калибровали экстракторы, прежде чем пустить их в массовое производство.

Хейз потянулся к папке историка, открыл ее и извлек пожелтевшую фотографию женщины в белом платье. Он положил ее на стол, прямо под сканирующий луч терминала.

— Объект 01. Эвелин, — прочитал Оливер надпись в углу снимка, и его голос стих. Стажер посмотрел на лицо женщины, которую они видели живой и смеющейся на старом Граммофоне. — Статус: Утилизирована. Господи... Они выпотрошили ее разум. Они выкачали из нее всё до последней капли, тестируя свои машины, пока ее мозг просто не отключился. А потом списали ее, как сломанное оборудование.

— И кто-то этого не забыл, — холодно закончил фразу Хейз. — Кто-то, кто смотрел на нее через объектив своих глаз и смеялся вместе с ней. Кто-то, кто потерял ее в 2244 году и затаил дыхание на два века, чтобы сегодня ночью вскрыть грудную клетку Корнелиуса Рота.

Детектив выпрямился.

— Нам не нужна мораль, Пейдж. Нам нужны имена. Корнелиус Рот был основателем, но он не мог проверить легализацию Архива и разработку технологии в одиночку. Найди мне список совета директоров «Рот-Интернешнл» за тот год. Кто еще ставил свою подпись под этим проектом? Кто знал об Объекте 01?

Оливер сглотнул, кивнул и снова застучал по голографической клавиатуре. Синие отсветы экранов заплясали на его бледном лице.

Алгоритмы Департамента, усиленные кодами обхода, которые стажер незаконно позаимствовал из даркнета, начали прогрызать бреши в старых корпоративных файлах.

Спустя пять минут томительного ожидания, прерываемого лишь жужжанием процессоров, центральный экран мигнул. На нем появился отсканированный документ. Старый, официальный протокол с гербом города.

— Есть, — выдохнул Оливер. — Утверждение протокола «Чистый Разум». Под документом стоят пять подписей ключевых фигур корпорации.

Хейз обошел стол.

— Читай.

Оливер увеличил масштаб текста.

— Первая подпись — Корнелиус Рот. Генеральный директор. МерТВ. Убит сегодня ночью.

— Дальше.

— Вторая подпись — Джонатан Кросс. Главный финансовый аудитор проекта.

Оливер запустил быструю проверку по базам данных крематория.

— Кросс мертв. Скончался восемьдесят лет назад от естественного клеточного распада. Семьи не осталось.

— Вычеркиваем, — бросил Хейз. Убийце не было смысла мстить праху. — Кто следующий?

— Третья подпись... Хелена Вальдес. Глава службы корпоративной безопасности. Это она обеспечивала охрану лабораторий и зачистку инцидентов.

Стажер снова запустил поиск. На экране всплыло красное окно с медицинским крестом.

— Вальдес жива. Но только технически. Ей пятьсот девяносто лет. Полвека назад она отказалась от Жатвы из-за религиозных соображений. Перегруз разрушил ее нейросети. Сейчас она находится в вегетативном состоянии в закрытой психиатрической клинике в Третьем секторе. Ее мозг мертв, тело поддерживает аппаратура. Она даже не осознает себя.

Хейз нахмурился.

— Убийца, который режет грудную клетку со скальпелем, нуждается в зрителе. Ему нужно, чтобы жертва понимала, за что умирает. Растение в коме его не интересует. Пропускаем. Кто остался?

Оливер вывел на экран последнюю подпись. Розмашистый, острый почерк, пробивающий бумагу.

— Четвертая подпись, — голос стажера стал напряженным. — Доктор Алдос Мерсер. Главный нейро-архитектор проекта. Это он... детектив, это он создал экстракторы. Это его чертежи мы видели. Он лично руководил калибровкой машин и проводил тесты на подопытных. Он был хирургом, который вскрывал их память.

Хейз оперся руками о край стола. Его глаза сузились, превратившись в узкие, серые щели.

Мозаика сложилась с идеальной, геометрической точностью.

— Хирург, — медленно, пробуя слово на вкус, произнес Хейз. — Скальпель. Точные, выверенные разрезы на грудной клетке Рота. Убийца не просто убивает их. Он зеркалит их действия. Он проводит свою собственную, извращенную операцию. И доктор Мерсер — это не просто следующая цель. Он — главная мишень. Он тот человек, который стоял за стеклом и отдавал приказы, когда Эвелин стирали личность.

— Мерсер жив? — Хейз резко повернулся к Оливеру.

— Запускаю сканирование, — пальцы стажера замелькали над клавиатурой.

На экране появилась зеленая карточка идентификации. С нее смотрел старик с абсолютно лысым, покрытым пигментными пятнами черепом и двумя искусственными, оптическими имплантатами вместо глаз.

— Жив, — подтвердил Оливер. — Ему шестьсот десять лет. После развала «Рот-Интернешнл» он отошел от дел, заработав невероятное состояние на патентах. Он страдает тяжелой формой паранойи. Около ста лет назад он выкупил целый квартал в самом центре Амальгамы и построил там закрытое поместье. В народе его называют «Стеклянный Купол». Это крепость, детектив. Своя система жизнеобеспечения, замкнутый контур связи, взвод наемников по периметру. Он вообще не выходит наружу.

— Значит, убийце придется зайти к нему, — холодно отозвался Хейз.

Он резко выпрямился, схватил со стула свою промокшую шляпу и натянул ее на голову.

— Мы нашли его, Пейдж. Доктор Мерсер — следующая глава в этой чертовой книге. Убийца придет за ним. И если он смог вскрыть Башню «Орион» без единого следа, Стекланный Купол его не остановит.

Оливер вскочил с места, сбрасывая экраны. Усталость мгновенно слетела с него, уступив место адреналину.

— Я вызываю спецназ Департамента? Поднимаем воздушные патрули? Мы можем оцепить Амальгаму в радиусе двух миль!

— Отставить, — рявкнул Хейз. Его голос лязгнул металлом, останавливая стажера на месте. — Никаких сирен. Никакого спецназа. Ты сам сказал — у Мерсера паранойя и частная армия. Если туда стянется полиция с мигалками, его наемники откроют огонь на поражение, решив, что это штурм. А Убийца, увидев оцепление, просто ляжет на дно и сменит тактику. Мы не можем позволить себе потерять этот след.

Детектив направился к выходу из аналитического зала. Полы его тяжелого плаща взметнулись.

— Мы поедем вдвоем, — бросил он через плечо. — Тихо. Зайдем через гостевой шлюз, покажем полицейские значки и вытащим этого старого мясника из его стеклянной банки под предлогом защиты свидетеля. Мы должны оказаться внутри Купола до того, как Убийца нанесет свой удар.

Оливер накинул форменную куртку, проверил заряд в излучателе и бегом бросился вслед за наставником.

Выйдя из Управления на сырую, продуваемую ветрами посадочную площадку, Хейз вдохнул полной грудью влажный воздух Кредо. Дождь почти прекратился, оставив после себя лишь густую, непроглядную дымку смога. Вдали, пробиваясь сквозь серую пелену, ослепительно сияли огни Амальгамы.

Детектив подошел к бронированному аэрокару и положил руку на холодный металл дверцы. Его мозг, освобожденный от страха и сомнений, уже выстраивал архитектуру предстоящей операции. Он просчитывал сектора обстрела, слепые зоны камер Мерсера и возможные векторы отхода Убийцы.

Хейз был уверен в своих выводах. Логика была безупречной. И всё же, где-то в глубине его затылка, там, где старые крестообразные шрамы терлись о жесткий воротник плаща, поселилось странное, тяжелое чувство. Это был не страх. Это было предвкушение встречи.

Декстер Хейз сел за штурвал, активировал магнитные двигатели и направил тяжелую машину в сторону сияющей Амальгамы. Он ехал в Стекланный Купол, чтобы посмотреть в глаза человеку, который создал экстракторы Жатвы. И он собирался сделать это до того, как Убийца со скальпелем превратит этого человека в очередной кусок мертвого мяса на антикварном столе.

Охота переходила в решающую фазу.

ГЛАВА 6: СТЕКЛЯННЫЙ КУПОЛ

Полицейский аэрокар стремительно оставлял позади темные, бетонные массивы Слепых Углов. Чем ближе они подлетали к центру мегаполиса, тем чище становился воздух за бортом. Густой, ядовитый смог рассеивался, уступая место стерильной, искусственно контролируемой атмосфере Амальгамы.

Здесь не было кислотного дождя. Над центральными районами Кредо раскинулась невидимая климатическая сеть, расщепляющая тяжелые тучи на безопасный, мелкий туман, который оседал на зеркальных небоскребах блестящей росой. Амальгама сияла так ярко, что Оливеру пришлось опустить поляризационный визор на шлеме.

Хейз вел машину молча. Его правая рука, лежащая на штурвале, внезапно дернулась.

Детектив поморщился и разжал пальцы. Мышцы между большим и указательным пальцем свело короткой, но болезненной судорогой. Хейз помассировал сустав левой рукой. Ощущение было странным: глубокая, ноющая мышечная усталость, словно он всю ночь с ювелирной точностью вырезал узоры по твердому дереву, хотя последние сутки он только и делал, что держал в руках табельный излучатель да бумажные стаканчики с кофе.

— Вы в порядке, детектив? — Оливер заметил жест наставника.

— Старость, Пейдж, — глухо отозвался Хейз, сгибая и разгибая пальцы. — Клеточная регенерация не спасает от банального износа суставов.

Он потянулся к приборной панели и отключил автопилот, переходя на ручное управление, чтобы размять кисть.

— И недосып, — добавил Хейз, его голос прозвучал суше обычного. — Я не спал нормально уже неделю. Проваливаюсь в черную яму на пару часов, а просыпаюсь таким разбитым, словно разгружал вагоны. Вчера утром нашел свои ботинки в прихожей насквозь мокрыми и в какой-то белой глине, хотя не помню, чтобы выходил из квартиры ночью. Наверное, лунатизм. Побочный эффект от последней калибровки нейро-портов. Система всё никак не может синхронизировать фазы сна.

— Вам нужно в медблок, сэр, — серьезно сказал Оливер. — Переутомление снижает эффективность боевых алгоритмов.

— Я сам решу, что снижает мою эффективность, — отрезал Хейз. — Сосредоточься на деле. Мы подлетаем.

Впереди, среди ровных, уходящих в небо геометрических линий зеркальных башен, появилось странное архитектурное образование.

Поместье доктора Алдоса Мерсера, известное как «Стеклянный Купол», выглядело как инородное тело. Это была гигантская полусфера из бронированного полимера, занимающая площадь целого городского квартала. Внутри купола, освещенный мягким, искусственным солнечным светом, зеленел настоящий тропический лес. Деревья, папоротники и экзотические цветы, клонированные по старым ДНК-архивам, сплетались в густые джунгли, посреди которых возвышался роскошный особняк.

Шестьсотлетний нейро-хирург страдал тяжелой формой паранойи. Он отгородился от мира непробиваемым стеклом, создал собственную биосферу и нанял частную армию.

Хейз направил аэрокар к главной посадочной платформе перед куполом.

Обычно здесь должны были кружить патрульные дроны Мерсера, а на площадке дежурить как минимум четверо охранников в тяжелой броне.

Но платформа была пуста.

— Детектив... — Оливер напрягся, его рука инстинктивно легла на кобуру. — У них отключены посадочные маяки. И периметр не отвечает на автоматический полицейский запрос.

Хейз посадил машину с глухим стуком магнитных замков.

Он заглушил двигатель. В наступившей тишине было слышно только легкое гудение систем жизнеобеспечения купола.

— Мы опоздали? — шепотом спросил стажер.

— Убийца работает тихо. Ему не нужно отключать внешние маяки, он проходит сквозь них, — Хейз выхватил излучатель и проверил заряд батареи. Его лицо превратилось в каменную маску. — А вот корпоративные чистильщики, с которыми мы разминулись в квартире историка... они не церемонятся. Они вырезают всё, что стоит на их пути.

Детектив толкнул дверцу и вышел наружу.

Воздух здесь пах свежим озоном. Хейз подошел к тяжелым, бронированным воротам шлюза, ведущего внутрь купола. Панель биометрического контроля была не просто взломана — она была расплавлена в текучую лужу серого пластика точным попаданием плазмы. Тяжелые створки были приоткрыты ровно настолько, чтобы мог протиснуться человек.

— Чистильщики, — констатировал Хейз. — Они поняли, что Мерсер — слабое звено. Тот, кто нанял их, приказал зачистить всех, кто был связан с проектом «Чистый Разум», включая своих же старых партнеров.

Оливер встал за спиной наставника, сжимая пистолет обеими руками.

— Если там работает элитный отряд, нам нужно вызвать подкрепление, сэр. Мы вдвоем...

— Подкрепление будет лететь из Управления десять минут, Пейдж, — Хейз боком протиснулся в щель шлюза. — За десять минут плазменные винтовки превратят этого старика в кучку пепла, и мы никогда не узнаем, кто такая Эвелин и почему из-за нее вырезают Элиту. Идем. Держись в тени и следи за тепловизором.

Они оказались внутри Стеклоанного Купола.

Перепад атмосферы ударил по легким. Здесь было жарко, влажно и пахло сырой землей, экзотическими цветами и хлорофиллом. Густые заросли гигантских папоротников и лиан создавали естественный, запутанный лабиринт. Сквозь стеклянные своды купола пробивался свет Амальгамы, отбрасывая на широкие листья причудливые, дергающиеся тени.

А еще здесь пахло кровью.

В десяти метрах от шлюза, среди растоптанных орхидей, лежали два тела в серой униформе частной охраны Мерсера. Их броня была прожжена насквозь.

Хейз двигался сквозь джунгли бесшумно, как хищник. Оливер старался ступать след в след, но синтетические листья то и дело предательски шуршали по его бронежилету.

Они вышли к центральной части купола. Здесь джунгли расступались, открывая вид на сам особняк. Здание было шедевром минимализма — три этажа идеального стекла и хромированной стали.

Внутри особняка мелькали вспышки. Синие и белые разряды плазмы освещали стеклянные стены изнутри. Раздался глухой взрыв, от которого по куполу пошла вибрация.

— Они на первом этаже, — шепнул Хейз. — Пытаются вскрыть центральное хранилище.

Детектив и стажер короткими перебежками преодолели открытое пространство и прижались к стеклянной стене особняка. Сквозь прозрачную перегородку Хейз видел просторный холл, заставленный антикварной мебелью.

Четверо наемников в матово-черной броне расположились полукругом вокруг массивной, титановой двери, вмонтированной в пол — входа в подземный бункер. Один из чистильщиков устанавливал на замки портативный плазменный резак. Сноп искр брызнул во все стороны, когда резак начал вгрызаться в титан.

— Их четверо, — прошептал Оливер. Его зубы слегка стучали от адреналина. — Мы не сможем взять их живыми, сэр. У них тяжелая броня.

— Значит, возьмем их мертвыми, — голос Хейза был абсолютно спокойным.

Детектив приложил левую ладонь к стеклянной стене. На его перчатке мигнул красный диод — высокочастотный резонатор.

— На счет три. Целься в визоры. Раз, два... три.

Хейз активировал резонатор. Огромная стеклянная панель особняка, не выдержав направленной звуковой волны, мгновенно покрылась паутиной трещин и с оглушительным звоном осыпалась внутрь тысячами острых осколков.

Наемники резко обернулись на шум, вскидывая винтовки, но Хейз уже действовал.

Он шагнул сквозь осыпающееся стекло, поднимая излучатель. Его движения были лишены суеты. Два выстрела — два синих росчерка. Плазма пробила визор первого наемника и сожгла сочленение брони на шее второго. Оба рухнули замертво, не успев нажать на курки.

Оливер выскочил следом. Он открыл шквальный огонь по третьему чистильщику. Заряды стажера легли кучно, пробивая кевлар на груди врага. Наемник отшатнулся и упал на мраморный пол.

Четвертый — тот, что работал с резаком — среагировал профессионально. Он бросил инструмент, перекатился за массивный кожаный диван и открыл ответный огонь из тяжелой винтовки.

Плазменные сгустки ударили в стену рядом с Хейзом, осыпая его каменной крошкой. Детектив ушел в слепую зону, скользнув за мраморную колонну.

Оливер оказался прижат огнем к дверному проему.

— Выкури его, Пейдж! — крикнул Хейз.

Оливер, тяжело дыша, высунул руку из-за укрытия и выпустил три заряда в диван. Кожа загорелась, комната наполнилась едким дымом. Наемник был вынужден сменить позицию. Он поднялся, чтобы перебежать к лестнице, но это стало его последней ошибкой.

Хейз уже ждал. Один точный, математически выверенный выстрел в затылочный нейропорт. Наемник рухнул лицом вниз, замертво.

В холле воцарилась звенящая тишина, нарушаемая только шипением брошенного плазменного резака, который продолжал плавить титановую дверь бункера.

Оливер медленно опустил пистолет. Его руки тряслись.

— Чисто... — выдохнул он.

Хейз вышел из-за колонны. Он подошел к двери бункера и ногой отшвырнул плазменный резак в сторону. Наемники успели прорезать лишь половину верхнего замка. Титановая плита оставалась непреклонной.

Детектив присел на корточки и активировал канал связи на панели рядом с дверью. Полицейские коды доступа обошли внешний брандмауэр и напрямую подключились к внутреннему интеркому бункера.

— Доктор Алдос Мерсер, — голос Хейза, усиленный динамиками, гулко разнесся по ту сторону титановой плиты. — Это детектив Декстер Хейз, Управление Полиции Кредо. Корпоративные псы, которые пытались вас вскрыть, мертвы. Вы в безопасности. Откройте дверь.

Из динамика раздался треск статики, а затем — прерывистое, паническое дыхание.

— Хейз? Полиция? — голос Мерсера был старческим, дребезжащим, полным животного ужаса. — Откуда мне знать, что вы не с ними? Совет хочет моей смерти! Они хотят похоронить проект!

— Если бы мы хотели вашей смерти, я бы просто позволил плазменному резаку закончить работу, — сухо ответил Хейз. — Открывайте. Нам нужно задать вам несколько вопросов об Объекте 01. Об Эвелин.

На том конце повисла долгая, тяжелая пауза. Само имя прозвучало для старика как удар хлыста.

Раздался тяжелый лязг гидравлики. Титановая плита медленно, со скрипом поползла в сторону, открывая проход в ярко освещенную подземную лабораторию.

Хейз и Оливер спустились по коротким металлическим ступеням.

Бункер Мерсера представлял собой высокотехнологичную медицинскую операционную, совмещенную с жилой зоной. Вдоль стен тянулись ряды серверов, крио-камер и старых, еще первых моделей нейро-экстракторов — тех самых машин, чертежи которых Оливер нашел в налоговых архивах.

Сам доктор Мерсер забился в угол, прижимая к груди старый кинетический пистолет.

Ему было шестьсот десять лет. Тело старика поддерживалось десятками медицинских трубок и портативных стимуляторов, вживленных прямо в позвоночник. Его оптические импланты — черные стеклянные шары вместо глаз — лихорадочно щелкали, фокусируясь то на Хейзе, то на Оливере.

— Вы... вы не из Совета, — прошамкал Мерсер, медленно опуская пистолет. Его трясло. — Они прислали за мной чистильщиков... Корнелиус мертв. Я видел в новостной сети. Они зачищают следы.

— Советник Рот убит не корпорацией, — Хейз шагнул вперед, возвышаясь над съежившимся стариком. — Его убил маньяк. Тот, кто оставляет на телах старые диски памяти. Тот, кто мстит за проект «Чистый Разум». И вы — следующий в его списке, доктор.

Мерсер истерично хохотнул. Этот смех больше походил на кашель.

— Маньяк? Вы идиоты! Вы ничего не понимаете! — старик схватился за свою лысую голову. — Это не просто маньяк! Это призрак из прошлого! Он уже идет за моим сердцем!

— Кто он такой? — Хейз схватил старика за плечо, встряхивая его. — И кто такая Эвелин?

При упоминании этого имени Мерсер зажмурился. Его оптические импланты издали тонкий писк.

— Она была первой... — забормотал старик, раскачиваясь из стороны в сторону. — Мы не знали, как экстрактор повлияет на живой мозг. Корнелиусу нужны были тесты. Он нашел

эту женщину. Она была идеальным кандидатом. У нее был муж. У них была невероятная, безумная эмоциональная связь. Корнелиус приказал изъять ее.

Хейз почувствовал, как мышцы его правой руки снова самопроизвольно сжались в тугую, болезненную судорогу. В его памяти не было ничего. Только черная, выжженная пустота. Но его пальцы сейчас горели так, словно он сжимал рукоять раскаленного металла.

— Вы стерли ее личность, — жестко произнес Оливер, стоящий позади. Стажеру было физически противно находиться в одной комнате с этим стариком. — Вы выкачали ее до дна.

— Это была наука! — взвизгнул Мерсер, вскидывая голову. — Мы прокладывали путь к вечной жизни! Да, ее мозг не выдержал. Она сгорела. Но ее муж... он сошел с ума. Он ворвался в лабораторию. Он кричал, что превратит себя в оружие. Что он заставит нас глотать наши собственные воспоминания! А потом... потом мы сдали его полиции. Мы заставили его пройти принудительную Жатву. Мы выжгли из него память об Эвелин и о нас! Он стал никем!

— Но он вспомнил, — тихо, ледяным тоном сказал Хейз. — Каким-то образом этот человек обошел блокировку Жатвы. Он проснулся двести лет спустя, и теперь он режет вас на куски. Как он выглядит, Мерсер? Кто он?

Старик посмотрел на Хейза своими черными, механическими глазами. Зрачки-диафрагмы сужались и расширялись, сканируя лицо детектива.

— Я не помню! Это было двести лет назад! Я прошел через пять Жатв с тех пор! Я сам стер его лицо из своей головы, потому что его глаза снились мне в кошмарах! Я оставил только знания о проекте! Я не знаю, как он выглядит!

Старик вырвался из хватки Хейза и отполз к бронированной двери бункера.

— Я не пойду с вами! Снаружи чистильщики Совета. Снаружи этот мститель! Этот бункер — самое безопасное место в Кредо. Титан выдержит даже ядерный удар! Уходите!

Мерсер ударил по панели управления. Тяжелая титановая плита начала медленно закрываться.

Оливер дернулся вперед, чтобы остановить дверь, но Хейз перехватил его руку.

— Пусть сидит, Пейдж, — спокойно сказал детектив. — Он прав. Этот бункер мы с тобой не вскроем при всем желании. И никто другой не вскроет. Доктор сам запер себя в идеальном сейфе. Здесь он в безопасности. До утра доживет, а там вызовем тяжелую технику Департамента и вырежем его отсюда вместе с дверью.

Дверь с оглушительным лязгом захлопнулась, герметично отрезая бункер от внешнего мира. Загорелись красные индикаторы блокировки.

Хейз шумно выдохнул, чувствуя, как на него наваливается чудовищная, бетонная усталость. Недосып последних дней, системный сбой в квартире историка и адреналин перестрелки требовали своего. Его мышцы ныли.

— Пейдж, — Хейз повернулся к стажеру. — Бери аэрокар. Лети в Управление. Поднимай тяжелую штурмовую группу и возвращайся сюда. Нам нужно будет эвакуировать этого старого ублюдка в центральную тюрьму.

— А вы, детектив? — Оливер неуверенно посмотрел на наставника.

— А я останусь здесь. Установлю периметр на случай, если корпорация пришлет вторую волну чистильщиков, — Хейз потер виски. — Мне просто нужно посидеть в тишине пять минут. Выполняй.

Оливер кивнул, развернулся и быстрым шагом направился к выходу из особняка.

Хейз остался один.

В разрушенном холле особняка стояла тишина, нарушаемая лишь шумом дождя по стеклам купола. Детектив подошел к уцелевшей зеркальной стене, чтобы проверить внешние датчики периметра.

Он остановился, глядя на свое отражение в темном стекле.

Измученное, серое лицо. Глубокие тени под глазами. Сутулые плечи. Внезапно ему показалось, что человек в отражении смотрит на него с легкой, едва заметной насмешкой. Хейз моргнул, и наваждение исчезло. Просто усталость. Просто чертова усталость.

Мышцу на правой руке снова свело болезненной судорогой. Хейз поморщился и инстинктивно сунул руку в глубокий карман своего кевларового плаща, чтобы достать капсулу нейростабилизатора.

Его пальцы нащупали плотную ткань подкладки. А затем... они наткнулись на грубый, разошедшийся шов.

Хейз нахмурился. Он никогда не замечал здесь дыры. Его пальцы скользнули глубже, в скрытую полость между слоями кевлара, о существовании которой он даже не подозревал.

Там лежало что-то холодное. Металлическое. Тонкое и невероятно острое.

Мысль, холодная и колючая, как осколок льда, попыталась пробиться сквозь блокировки его сознания. *«Откуда это здесь? Что это?»*

Но в этот момент физическое истощение обрушилось на него с такой силой, что перед глазами поплыли темные круги. Мозг детектива, перегруженный за сутки, просто отказался обрабатывать новую информацию. Сработал защитный протокол нервной системы — принудительное отключение.

«Потом, — вяло подумал Хейз, отпуская холодный металл в кармане и с трудом отходя от зеркала. — Разберусь с этим потом. Всего пять минут сна».

Он медленно сполз по титановой двери бункера вниз, садясь прямо на холодный мраморный пол. Он вытянул гудящие ноги и прикрыл глаза.

Всего пять минут. Ему нужно просто перезагрузить систему.

Веки Хейза сомкнулись. Дыхание стало глубоким и ровным. Сознание детектива Декстера Хейза, принципиального и холодного полицейского, окончательно провалилось в спасительную, глухую темноту.

В пустом, разрушенном холле особняка воцарилась абсолютная тишина.

Детектив крепко спал.

ГЛАВА 7: СЛЕПАЯ ЗОНА

Сон Декстера Хейза был не просто прерван. Он был разорван на куски воем полицейских сирен и слепящим стробоскопическим светом.

Детектив резко открыл глаза. Инстинкты, отточенные веками, сработали мгновенно, минуя фазу пробуждения: его правая рука уже сжимала рукоять плазменного излучателя, а тело перекатилось в боевую стойку, уходя с линии возможного огня.

Но стрелять было не в кого.

Сквозь разбитые стеклянные своды купола внутрь оранжереи врывались тяжелые, бронированные штурмовые транспорты Департамента. Их мощные прожекторы разрезали полумрак тропического леса, выхватывая из темноты стволы пальм и тела убитых корпоративных наемников. Из открытых люков по тросам скользили оперативники спецназа в тяжелой серой броне, немедленно рассыпаясь по периметру и беря особняк в кольцо.

Хейз тяжело дышал, прижимаясь спиной к стене. Его мозг, только что вырванный из глубокой, бездонной фазы сна, лихорадочно калибровал реальность.

Он опустил взгляд на свои руки. Излучатель в правой ладони казался непривычно тяжелым. Мышцы предплечья ныли от тупой, тянущей боли, словно он всю ночь с ювелирной точностью вырезал узоры по камню. В нос ударил странный, стерильный запах — запах хлоргексидина и хирургического мыла.

— Детектив Хейз! Сэр!

Из-за мраморной колонны выбежал Оливер Пейдж. Стажер был бледен как полотно. Он не держал оружие, его руки безвольно висели вдоль туловища. За ним следовали двое штурмовиков с наведенными на темноту холла винтовками.

— Пейдж, — голос Хейза прозвучал хрипло, словно он не говорил несколько дней. Он медленно опустил излучатель и выпрямился. — Статус периметра?

— Периметр чист, сэр. Никаких следов второй волны корпоративников, — Оливер остановился в трех метрах от наставника. Его глаза были расширены от ужаса. Но смотрел стажер не на Хейза. Он смотрел за его спину. — Сэр... дверь.

Хейз медленно обернулся.

Его аналитический разум, холодный и безупречный био-компьютер, на секунду дал фатальный сбой. Мир вокруг качнулся.

Тяжелая, полуметровая титановая плита, закрывавшая вход в подземный бункер доктора Мерсера — тот самый идеальный сейф, который не брал плазменный резак — была открыта.

Она была сдвинута в сторону до самого упора. Из темного зева спускающейся вниз лестницы тянуло ледяным кондиционированным воздухом и сладковатым, железистым запахом смерти.

Хейз замер. Впервые за двести лет после последней Жатвы он почувствовал нечто, похожее на панику. Крошечную, холодную иглу, пробившуюся сквозь его броню.

Он спал прямо здесь. Он сидел, привалившись спиной к этой самой двери. Никто в мегаполисе, ни один человек, ни один киборг не мог бы подойти к нему, сдвинуть его с места, взломать титановый шлюз и пройти внутрь так, чтобы детектив этого не услышал.

— Никто не входил, — тихо, почти механически произнес Хейз. — Я был здесь. Никто не мог пройти.

Он не стал дожидаться спецназа. Хейз шагнул в открытый проем и начал спускаться по металлическим ступеням. Оливер, сглотнув подступивший к горлу ком, пошел следом, освещая путь подствольным фонарем.

Бункер доктора Мерсера был ярко освещен. Серверы всё так же монотонно гудели, а крио-камеры мигали зелеными индикаторами.

Но сам доктор больше не прятался в углу.

Алдос Мерсер, бывший главный нейро-архитектор корпорации «Рот-Интернешнл», лежал в центре комнаты, на одном из своих старых операционных столов.

Его тело было распято на металлической поверхности. Кожаная система ремней, которую он когда-то использовал для фиксации своих подопытных, теперь намертво удерживала его собственные запястья и лодыжки.

Грудная клетка старика была вскрыта. Ребра аккуратно, с хирургической безупречностью разведены в стороны и закреплены стальными расширителями. Внутри зияющей раны пульсировали трубки системы жизнеобеспечения. Оптические импланты Мерсера — черные стеклянные шары — остановились, уставившись в стерильный белый потолок мертвым, немигающим взглядом.

Посреди кровавого месива, прямо на синтетическом миокарде старика, лежал предмет, который Хейз уже ожидал там увидеть.

Маленький, потертый диск из черного стекла. Второй «Граммфон». На его матовой поверхности был грубо, но безупречно ровно выцарапан символ Синдиката Стертых — перечеркнутые песочные часы.

— Господи Иисусе... — прошептал Оливер. Пистолет в его руке задрожал. — Он убил его. Прямо у вас за спиной. Детектив... как? Как он это сделал?

Хейз стоял у стола, не сводя глаз с вскрытой грудины. Внутри детектива бушевала безмолвная буря.

Он активировал внутренний био-сканер своих имплантов, проверяя логи собственного организма за последние три часа. Пульс опускался до сорока ударов — глубокая фаза сна. Никаких следов нейро-токсинов в крови. Никаких следов усыпляющего газа в легких. Никто его не травил. Никто его не оглушал. Он просто спал.

В бункер с грохотом спустился капитан штурмовой группы в сопровождении двух кибертехников.

— Оцепить помещение! Ни к чему не прикасаться! — рявкнул капитан, окидывая взглядом кровавую сцену. Затем он подошел к Хейзу. — Детектив. Мне доложили, что вы установили здесь одиночный периметр до прибытия группы.

— Установил, — голос Хейза был ровным, как лед. Он не смотрел на капитана. — Я сидел снаружи. Дверь была заблокирована изнутри самим Мерсером.

— И вы ничего не слышали? — капитан нахмурился, в его голосе проскользнула тень профессионального подозрения. — Ни звука взлома? Ни шагов?

Хейз медленно повернул голову. Его пустые, серые глаза буквально прошли капитана насквозь. Штурмовик невольно отступил на полшага.

— Капитан, если бы кто-то попытался взломать титановую плиту толщиной в полметра с помощью лазера или плазмы, я бы проснулся от того, что у меня загорелось пальто.

— Техники! — капитан откашлялся и повернулся к своим людям. — Проверьте панель шлюза. Мне нужен вектор взлома. Как он открыл эту чертову дверь?

Кибер-техник, молодой парень с интерфейс-кабелями, торчащими прямо из висков, подключился к терминалу у входа в бункер. Несколько минут он молча анализировал бегущие строки кода. На его лице отразилось крайнее недоумение.

— Капитан... детектив Хейз... — техник отключил кабели и растерянно посмотрел на полицейских. — Здесь не было взлома. Ни внешнего, ни внутреннего.

— Что значит «не было взлома»? — не выдержал Оливер. — Дверь сама открылась перед маньяком?

— Технически — да, — техник сглотнул. — Логи замка кристально чистые. Никто не подбирал код, никто не обходил брандмауэр. Система зафиксировала прямой, ручной ввод мастер-ключа. Абсолютного пароля архитектора с нулевым уровнем доступа. Дверь послушно открылась, пропустила кого-то внутрь, а затем заблокировалась снова, пока убийца делал свою работу. А потом она открылась еще раз, чтобы выпустить его.

— Мастер-ключ? — Хейз шагнул к технику. — Мерсер сам ввел код изнутри? Маньяк заставил его открыть дверь?

— Нет, сэр. Ввод был осуществлен снаружи. С внешней панели, у которой сидели вы. И самое странное... этот мастер-ключ. Он не из современных баз. Это резервный протокол корпорации «Рот-Интернешнл». Код, который был удален из всех реестров больше двух веков назад. Тот, кто его ввел, знал архитектуру этой двери лучше, чем тот, кто ее собирал.

Хейз опустил глаза на свои руки в кевларовых перчатках.

В его голове билась одна холодная, безжалостная мысль. Убийца подошел к двери, у которой спал полицейский детектив. Убийца ввел архаичный пароль. Убийца зашел внутрь, совершил ритуальное убийство, забрал скальпель, вышел обратно и оставил дверь открытой. И всё это — в полной, абсолютной тишине. Без единой капли пролитой крови на пороге.

Детектив поднял правую руку и поднес ее к лицу. Тот самый фантомный запах хлоргексидина и хирургического мыла всё еще едва уловимо исходил от рукава его плаща.

«Я просто устал, — приказал себе думать Хейз. Его логический аппарат отчаянно пытался найти рациональное объяснение. — В лаборатории Мерсера работает система стерилизации. Должно быть, фильтры вентиляции выгнали антисептик наружу. А моя усталость... это просто возраст имплантов».

Но впервые за долгие десятилетия внутри Декстера Хейза поселилось сомнение в собственном разуме. Сомнение в том, что он контролирует ситуацию.

— Снимите отпечатки. Соберите ДНК. Прочешите каждый сантиметр этого бункера, — процедил Хейз, проходя мимо капитана.

Он подошел к операционному столу, достал стерильный пластиковый пакет и, стараясь не касаться краев раны, извлек второй черный Граммофон из груди убитого хирурга. Диск был тяжелым и липким от крови.

— Пейдж, — Хейз повернулся к стажеру. Его лицо было бледным, но голос звучал твердо. — Забирай машину. Мы возвращаемся в Управление, на Кладбище. Я хочу знать, какую часть этой чертовой истории убийца прислал нам на этот раз.

Подвал кибер-отдела встретил их привычным гудением и запахом озона.

Главный архивариус Мэддок, даже не задавая лишних вопросов, забрал у Хейза окровавленный пакет. Старик молча очистил черный диск от биоматериалов в ультразвуковой ванне и бережно поместил его в считыватель старого интерферометра.

Защитный кожух опустился с тяжелым лязгом.

Люминесцентные лампы погасли, уступая место мерцающим лазерным проекторам.

Тьма подвала разорвалась. Но в этот раз вспышка не принесла с собой теплого, залитого солнцем уюта прошлой записи.

Пространство вокруг детективов окрасилось в мертвенно-бледный, холодный свет.

Голограмма развернулась. Запись снова велась от первого лица.

Хейз и Оливер оказались в длинном, стерильном коридоре. Белые стены, стальные двери, мигающие красные лампы аварийного освещения.

Человек, чьими глазами они смотрели, бежал. Дыхание носителя воспоминания было тяжелым, хриплым, срывающимся на рыдания. В его правой руке была зажата тяжелая кинетическая винтовка.

Вот он вскидывает оружие. Отдача сотрясает проекцию. В конце коридора падают двое охранников в старой, громоздкой корпоративной броне с логотипами «Рот-Интернешнл».

Человек переступает через тела, не сбавляя скорости. Он врзается плечом в двустворчатые двери с надписью «Лаборатория 01».

Проекция дернулась, и Хейз оказался внутри огромного операционного зала. Точно такого же, какой они видели в современной крематории Жатвы, только машины здесь были огромными, опутанными сотнями проводов и трубок.

В центре зала, в массивном хромированном кресле, сидела она.

Эвелин.

Но она больше не смеялась. Женщина в белом платье безвольно обвисла на магнитных ремнях. Ее глаза были широко открыты, но в них не было жизни. Они были пустыми, как два куса серого стекла. В ее затылок был вбит толстый, архаичный кабель нейро-экстрактора, который пульсировал болезненным, ядовито-синим светом.

Человек, чье воспоминание они смотрели, издал истошный, звериный крик. Звуча по-прежнему не было, но Хейз физически почувствовал вибрацию этого отчаяния. Носитель воспоминания бросился к креслу, отбросив винтовку. Его виртуальные руки, перепачканные пороховой гарью, потянулись к лицу женщины, пытаясь привести ее в чувство. Бесплезно. Она была пуста. Выжжена до дна. Объект 01 был утилизирован.

А затем сбоку, из тени аппаратной стойки, вышла высокая фигура.

Это был мужчина в безупречном, дорогом черном костюме. Он выглядел молодо, не старше сорока, но в его осанке сквозила абсолютная, ледяная власть. Его лицо было красивым, аристократичным и жестоким.

Оливер рядом с Хейзом судорожно вдохнул.

— Детектив... — прошептал стажер, не веря своим глазам. — Это же...

Хейз молчал. Его зубы были стиснуты так, что скрипела эмаль. Он знал это лицо. Вся Амальгама знала это лицо. За двести лет оно ничуть не изменилось, благодаря передовым технологиям регенерации.

Мужчина в черном костюме на голограмме медленно подошел к рыдающему над креслом мужу Эвелин. Он не выглядел испуганным. Он смотрел на вооруженного человека с брезгливым любопытством.

Система интерферометра не могла воспроизвести звук, но качество записи было достаточно высоким, чтобы прочитать слова по губам аристократа. Хейз, как опытный следователь, прочитал их без труда.

«Она пуста, — артикулировали губы мужчины в черном. — Ее емкость исчерпана. Проект увенчался успехом. Взять его. Отправьте его на принудительную Жатву. Сотрите их обоих из реестров».

Голограмма дрогнула. В кадр ворвались охранники. Виртуальные руки носителя воспоминания потянулись к горлу аристократа, но удары прикладов обрушили проекцию на пол.

Последнее, что запечатлел этот Граммофон перед тем, как экран поглотила тьма — это холодный, надменный взгляд человека в костюме, смотрящего на поверженного мужа Эвелин.

Проектор в подвале с щелчком выключился. Голографический куб распался на пиксели и исчез.

В комнате воцарилась гробовая тишина. Мэддок стоял, не шевелясь, его механический глаз бешено щелкал диафрагмой. Оливер тяжело дышал, вытирая пот со лба.

— Это Канцлер, — наконец выдавил из себя стажер, глядя на Хейза полными ужаса глазами. — Мужчина в лаборатории... Тот, кто отдал приказ выжечь ее разум и стереть память ее мужу. Это Канцлер Эшкрофт. Текущий глава Правительства Кредо. Властелин Амальгамы.

Хейз медленно отлепился от стены. Его лицо было белым, как мел. Фантомная боль в шее пульсировала в такт бьющемуся сердцу, но сейчас детектив не обращал на нее внимания. Все разрозненные элементы мозаики только что сошлись в одну гигантскую, пугающую картину.

Корнелиус Рот — генеральный директор проекта. Доктор Мерсер — главный хирург и создатель экстрактора. Оба мертвы. Их грудные клетки вскрыты.

Но над ними всегда стоял кто-то еще. Тот, кто финансировал проект. Тот, кто обладал властью стирать людей из реестров и отправлять их на принудительную Жатву. Тот, чья подпись не фигурировала в официальных корпоративных протоколах, потому что он был истинным Архитектором новой эры.

Канцлер Эшкрофт. Человек, правящий мегаполисом последние сто лет.

— Убийца не просто мстит корпорации, — тихо произнес Хейз, глядя в темноту подвала. — Он поднимается по пищевой цепочке. Рот и Мерсер были лишь исполнителями. Инструментами. Настоящая цель, финал его кровавой пьесы — это Эшкрофт.

— Детектив... — Оливер нервно сглотнул. — Эшкрофт живет в Цитадели. В самом центре Амальгамы. Это самая охраняемая крепость на планете. Туда невозможно пронести даже булавку, не говоря уже о скальпеле.

Хейз повернулся к стажеру. В его серых глазах горел холодный, абсолютный свет. Свет человека, который понял масштаб угрозы.

— Наш маньяк только что прошел сквозь титановую дверь с нулевым уровнем доступа, пока я спал в метре от нее, Пейдж. Для него не существует закрытых дверей. Он уже идет за Канцлером.

Детектив подошел к столу и вырвал черный диск из лотка считывателя.

— Поднимай канал экстренной правительственной связи. Объявляй Код Красный по всей Амальгаме. Мы едем в Цитадель. Мы должны остановить этого призрака до того, как он вскрыет грудь правителю Кредо.

ГЛАВА 8: ИДЕАЛЬНЫЙ АЛГОРИТМ

Полицейский аэрокар на максимальной тяге прошивал воздушное пространство мегаполиса, оставляя за собой инверсионный след из перегретого озона.

Они оставили ядовитый смог и кислотный дождь далеко на окраинах. Здесь, в самом сердце Амальгамы, ночь выглядела иначе. Воздух был кристально чистым, отфильтрованным гигантскими атмосферными установками. Небоскребы, целиком выстроенные из зеркального стекла, отражали свет тысяч прожекторов, превращая ночь в искусственный, холодный и стерильный день.

Прямо по курсу, возвышаясь над остальными башнями элиты, стояла Цитадель.

Это была не просто резиденция Правительства Кредо. Это был абсолютный монолит власти, редут, защищенный передовыми военными технологиями. Здание имело форму правильного усеченного конуса, грани которого были покрыты светопоглощающим полимером. В Цитадели жил Канцлер Эшкрофт — человек, который пережил десяток покушений, две корпоративные войны и правил мегаполисом железной рукой уже целое столетие.

— Код Красный подтвержден, детектив, — голос Оливера дрожал от напряжения, когда стажер вслушивался в треск полицейской рации. — Центральное Управление стянуло к Цитадели три штурмовые группы. Кибер-отдел заблокировал все внешние сети здания. Никто не войдет и не выйдет без авторизации. Периметр глухой.

Хейз молчал. Его тяжелые, покрытые мозолями руки уверенно сжимали штурвал.

Индикатор его пульса, обычно застывший на отметке в шестьдесят ударов, теперь неуклонно полз вверх: семьдесят, семьдесят пять. Правая рука, та самая, которую весь вечер сводило странной фантомной судорогой, снова начала мелко, противно дрожать. Детектив стиснул зубы и перехватил штурвал крепче, гася тремор физическим усилием.

«Возрастной сбой, — монотонно повторял про себя его аналитический разум, пытаясь успокоить взбунтовавшуюся нервную систему. — Слишком много стресса. Слишком много контактов с некомпрессированным кодом из прошлого. Импланты не справляются с нагрузкой».

Но глубоко внутри, под слоями искусственно созданной ледяной пустоты, нарастало странное, необъяснимое чувство. Это был не страх перед встречей с гениальным убийцей. Это была тяга. Неотвратимое, почти гравитационное притяжение к тому, что ждало его в пентхаусе Цитадели.

Аэрокар сбросил скорость и завис над посадочной платформой резиденции.

Здесь уже царил организованный хаос. Десятки оперативников в тяжелой серой броне занимали позиции за мобильными укрытиями. Небо патрулировали тяжелые штурмовые дроны, заливая посадочную площадку красным светом лазерных целеуказателей.

Хейз посадил машину, отстегнул ремни и выхватил излучатель. Оливер выскочил следом, сжимая табельный пистолет. Стажер был бледен, его глаза лихорадочно бегали по периметру.

К ним подбежал командир штурмовой группы — грузный киборг с оптическими пластинами вместо глаз.

— Детектив Хейз! Мы перекрыли все выходы. Служба безопасности Канцлера подтвердила, что он находится в своем кабинете на верхнем ярусе. Мы готовы начать штурм.

— Маньяк внутри? — отрывисто спросил Хейз, перекрикивая гул двигателей.

— Неизвестно, — капитан скривился. — Системы безопасности Цитадели не зафиксировали ни одного нарушения. Никто не пересекал границу. Внутренние датчики показывают, что Канцлер один. Но после того, что случилось в бункере Мерсера, мы не можем доверять логам.

Хейз кивнул.

— Призрак, который умеет обходить биосенсоры и титановые двери, не попадет на обычные камеры. Он уже там. Ждет своего часа.

Детектив передернул затвор плазменного излучателя. Звук получился сухим и зловещим.

— Отзывайте группу, капитан. Оставьте людей на периметре. Если мы ворвемся туда толпой, Убийца просто затаится или использует Канцлера как живой щит, спровоцировав бойню. Я пойду один.

— Я иду с вами, сэр, — твердо, несмотря на страх, сказал Оливер. Стажер шагнул вперед, преграждая Хейзу путь. — Вы сами учили меня не разделяться в зоне Кода Красного. Если этот ублюдок смог бесшумно вскрыть двоих стариков, он опасен в ближнем бою. Я прикрою вам спину.

Хейз секунду смотрел на упрямое, бледное лицо парня. В его пустом, выжженном Жатвами мозгу шевельнулось что-то похожее на уважение.

— Хорошо, Пейдж. Но держи палец на спусковом крючке. И если увидишь кого-то с хирургическим скальпелем — стреляй на поражение, не дожидаясь приказа.

Они прошли сквозь строй спецназа и вошли в бронированный лифт Цитадели.

Подъем на вершину башни занял три минуты. Это были самые долгие три минуты в жизни Оливера. Стажер слышал собственное прерывистое дыхание и видел, как Хейз неподвижно, словно каменная статуя, смотрит на сменяющиеся цифры этажей. Детектив был собран, смертоносен и абсолютно спокоен.

Створки лифта бесшумно разъехались.

Кабинет Канцлера Эшкрофта представлял собой вершину минимализма и власти. Огромный зал, пол которого был выложен черным полированным мрамором. Никаких камер, никаких мониторов — только панорамные окна от пола до потолка, за которыми сияла Амальгама, расстилающаяся под их ногами, как ковер из бриллиантов.

Хейз и Оливер вошли внутрь, держа оружие наготове, ствол к стволу. Детектив сканировал каждый темный угол, каждую портьеру, ожидая нападения. Он был готов к тому, что на столе уже лежит вскрытый труп Канцлера, а маньяк скрывается в тенях.

Но холл был пуст. Крови не было.

В дальнем конце кабинета, за массивным столом из цельного куска мореного дуба, сидел человек.

Канцлер Эшкрофт.

Человек, чей возраст перевалил за шесть с половиной столетий, выглядел на ухоженные, аристократичные сорок. Генетические модификации и лучшие технологии Кредо сохранили его внешность безупречной. Он был одет в строгий черный костюм. Его волосы были гладко зачесаны назад.

Канцлер не прятался. Он не вызывал охрану. Он не дрожал от страха, как это делал доктор Мерсер в своем подземном бункере.

Эшкрофт спокойно сидел в кресле, закинув ногу на ногу, и медленно покручивал в руке хрустальный бокал с темно-красным вином.

— Опустите оружие, детектив, — голос Эшкрофта был бархатным, глубоким и абсолютно расслабленным. В нем звучала насмешка человека, который знает финал пьесы. — Вы испортите мою мебель плазменными ожогами. Здесь никого нет. Только мы.

Оливер не опустил пистолет. Он лихорадочно водил стволом по углам комнаты.

— Где он?! — крикнул стажер, его голос сорвался. — Господин Канцлер, отойдите от окон! Мы знаем, что Убийца здесь! Он обошел охранную сеть, он...

— Мальчик мой, — Эшкрофт вздохнул, сделав изящный глоток из бокала. — Перестань истерить. Твоя примитивная, неочищенная Жатвой нервная система меня утомляет. Охранную сеть никто не обходил.

Канцлер перевел свой ледяной, темный взгляд на Хейза.

— Система пропустила того, чьи биометрические данные внесены в реестр доверенных лиц Правительства. Того, кто имеет полицейские коды допуска высшего уровня. Верно, Декстер?

Хейз замер. Излучатель в его руке дрогнул.

Холод, сковавший его разум последние сто лет, внезапно дал трещину. Инстинкт сыщика, тот самый аналитический механизм, заставлял его сопоставлять факты: открытая дверь в бункер Мерсера... пароль архитектора... судорга в правой руке... фантомный запах антисептика от собственного плаща.

— Вы знаете, кто он, — глухо произнес Хейз, делая медленный шаг к столу. — Вы знаете имя Убийцы.

Эшкрофт рассмеялся. Это был искренний, тихий смех хищника, наблюдающего за агонией жертвы. Канцлер поставил бокал на стол и подался вперед.

— Имя? О, Декстер... Я ждал этой встречи двести лет. Я наблюдал за тобой. Я читал твои рапорты. Я видел, как ты поднимаешься по служебной лестнице, становясь лучшей ищейкой этого жалкого города.

Эшкрофт указал на детектива тонким, ухоженным пальцем.

— Ты ведь даже не помнишь, зачем пришел сюда сегодня ночью, верно? Как это иронично. Поистине шедевр нейро-хирургии. Ты стер свою жену. Стер свою боль. Стер тот день в лаборатории, когда я забрал у тебя всё, чтобы протестировать свои экстракторы. Ты так хотел перестать страдать, что добровольно пошел на Жатву и выжег свою душу дотла. Но твое тело... твое тело оказалось умнее твоего стерильного разума.

Хейз почувствовал, как воздух в кабинете становится плотным и вязким, как жидкий свинец. Дышать стало тяжело. В ушах начал нарастать тонкий, мерзкий, высокочастотный писк.

Два крестообразных шрама на его шее пульсировали так, словно под ними копошились живые насекомые.

— О чем он говорит, сэр? — Оливер переводил растерянный взгляд с Канцлера на наставника. Стажер опустил пистолет, чувствуя, как реальность начинает крошиться. — Детектив Хейз?

Эшкрофт не обратил на стажера никакого внимания. Его взгляд был прикован к побледневшему, потеющему лицу Хейза.

Канцлер выдвинул ящик своего массивного стола. Его рука появилась на свету, держа предмет, от вида которого у Оливера перехватило дыхание.

Это был маленький, черный, затертый по краям диск из матового стекла.

Третий «Граммфон».

Эшкрофт небрежно, словно покерную фишку, бросил его по полированной поверхности стола. Диск с легким стуком скользнул по дереву и остановился прямо перед Хейзом.

— Я всегда говорил Мерсеру, что ты не сможешь нас убить, будучи обычным, убитым горем человеком, — мягко, почти ласково произнес Эшкрофт. — Ты был слишком слаб. Слишком сломлен. Но посмотри на себя сейчас. Ты обошел систему. Ты заложил программу мести так глубоко в свой ствол спинного мозга, что даже сканеры Жатвы не смогли ее найти. Ты превратил себя в идеальную, послушную, слепую машину для убийств, Декстер. Машину, которая спала днем, расследуя преступления, и просыпалась по ночам, чтобы резать скальпелем глотки.

Канцлер развел руками.

— Жаль, что ты сам этого не помнишь. Впрочем, этот пробел мы сейчас восполним. Хейз смотрел на Граммофон.

Его правая рука, живущая собственной, автономной жизнью, медленно опустила плазменный излучатель. Пальцы детектива, дрожа, словно в лихорадке, потянулись к внутреннему карману плаща и достали портативный полицейский декодер.

— Сэр... не надо, — прошептал Оливер. Стажер сделал шаг назад, его глаза наполнились ужасом осознания. Пазл в его голове сложился на секунду быстрее, чем в перегруженном мозгу наставника. — Пожалуйста, детектив. Не включайте его.

Но Хейз уже не слышал напарника. Он был заперт в тоннеле.

Он вставил старый, поцарапанный диск в щель декодера. Устройство тихо пискнуло, синхронизируясь с нейро-портами на его затылке.

Проекция не появилась в воздухе. Она ударила прямо в зрительные нервы Хейза. Вспышка белого света.

Запись велась от первого лица.

Хейз увидел грязную, залитую кровью раковину в подпольной клинике Слепых Углов. Он увидел собственные — виртуальные, записанные двести лет назад — руки, опирающиеся о края фаянса. На костяшках пальцев ссадины. На белой рубашке — пятна крови.

Звука по-прежнему не было, но Хейз физически почувствовал, как грудная клетка носителя воспоминания вздымается от тяжелого, загнанного дыхания.

Носитель поднял голову и посмотрел в разбитое, треснувшее зеркало, висящее над раковиной.

Хейз смотрел в это зеркало двести лет спустя.

И оттуда, сквозь пелену времени и цифрового шума, на него смотрело его собственное лицо.

Молодое. Измученное. Искаженное чудовищным горем и абсолютной, сжигающей всё человеческое ненавистью. Лицо человека, который только что потерял жену по имени Эвелин и понял, что скоро забудет ее навсегда.

Губы человека в зеркале зашевелились. Хейз прочитал их артикуляцию, и эти слова эхом отдались в его собственном разуме:

«Они заставят меня забыть. Но я зашью это в свои рефлексы. Я спрячу это в спинном мозгу. Когда придет время... тот, кто останется в моем теле, проснется. И он убьет их всех».

Запись оборвалась. Декодер в руке Хейза заискрился и перегорел, не выдержав архаичного кода.

Но это было уже неважно.

Блокировки, выстроенные двумя процедурами Жатвы, не выдержали. Дамбы, сдерживающие океан стертой памяти, рухнули с оглушительным, катастрофическим треском.

На мозг Декстера Хейза, которому было четыреста десять лет, одновременно, без какой-либо фильтрации, обрушились терабайты заблокированных воспоминаний. Двести лет боли, которые должны были быть похоронены в Архиве, хлынули в его нейронные сети раскаленной лавой.

Это был Перегруз. Фатальный, мгновенный и неотвратимый.

Хейз издал жуткий, нечеловеческий вопль. Он рухнул на колени прямо на черный мрамор кабинета, выронив излучатель. Он схватился обеими руками за голову, вонзая ногти в кожу.

Кровь хлынула из его носа двумя густыми, темными потоками. Капилляры в глазах лопнули, заливая белки сплошным багровым цветом.

Его мозг физически плавился.

В доли секунды Хейз вспомнил всё.

Он вспомнил смех Эвелин в то залитое солнцем утро. Вспомнил тепло ее кожи. Вспомнил запах цветущей сирени.

А затем этот запах сменился вонью горелого мяса. Он вспомнил, как ворвался в лабораторию и увидел ее пустые, стеклянные глаза. Вспомнил смех Эшкрофта.

А затем память ударила по недавнему прошлому.

Слепые пятна бессонницы, которые он списывал на усталость, наполнились страшным, кровавым содержанием.

Он вспомнил, как позавчерашней ночью его тело, пока сознание спало, встало с кровати. Как он взял старый хирургический скальпель, спрятанный в подкладке плаща. Как он, используя свои собственные полицейские коды, вошел в Башню «Орион». Как хладнокровно, без единой эмоции, вскрыл грудь Советнику Роту и положил туда первый диск.

Он вспомнил, как час назад в бункере Мерсера, пока его детективный разум провалился в минутный сон, программа активировалась снова. Как его рука сама, без участия сознания, перерезала горло старику, распяла его на столе и оставила второй диск.

Он был копом, который двое суток гнался за тенью.

И он был монстром, который эту тень отбрасывал.

Две личности столкнулись внутри одного перегруженного, умирающего мозга. Детектив, свято верящий в закон и справедливость, с ужасом и отвращением смотрел на то, что натворило его собственное тело. Мститель, ждавший двести лет, ликовал, требуя завершить работу.

— Поразительное зрелище, — голос Эшкрофта доносился словно сквозь толщу воды. Канцлер подошел ближе, глядя на корчащегося в агонии Хейза. — Я знал, что твой разум не выдержит правды. Я подтолкнул тебя к этому. Я дал закону ход, зная, что твой триггер сработает. Я хотел посмотреть, как идеальный полицейский сломается, поняв, что он — грязный, серийный маньяк. Ты убил моих конкурентов в Совете, Декстер. Ты расчистил мне путь к абсолютной власти. А теперь... теперь твой мозг сгорит, и я закрою дело о сумасшедшем полицейском.

— Отойдите от него! — голос Оливера сорвался на визг.

Стажер шагнул вперед, наставив пистолет прямо в грудь Канцлеру. Руки парня ходили ходуном. По его щекам текли слезы отчаяния. Идеальный мир, в который он верил, только что рухнул. Его наставник, его кумир оказался маньяком-мясником. А правитель города — чудовищем.

— Убери игрушку, мальчик, — брезгливо поморщился Эшкрофт, даже не взглянув на стажера. — Ты никого не...

Договорить он не успел.

Хейз, чье лицо превратилось в кровавую маску, чьи глаза были залиты багрянцем, медленно, страшно, игнорируя агонию умирающего мозга, поднялся с колен.

Его правая рука, повинувшись древнему инстинкту Мстителя, сжалась в кулак.

Детектив не стал искать на полу оброненный плазменный излучатель. Он сделал резкий, звериный выпад вперед.

Его рука метнулась к Канцлеру. В пальцах Хейза тускло блеснуло лезвие старого хирургического скальпеля, которое всё это время было зажато в скрытом шве его рукава.

Движение было неумовимо быстрым.

Скальпель с хрустом вошел в горло Канцлера Эшкрофта, перерезая сонную артерию и голосовые связки.

Глаза аристократа комично расширились. Он схватился руками за шею, из-под пальцев хлынула густая, темная кровь, заливая безупречный черный костюм и полированный мраморный пол. Эшкрофт издал булькающий звук, попятился, споткнулся о собственное кресло и рухнул на спину.

Правитель мегаполиса засучил ногами, задыхаясь в собственной крови. Через десять секунд его тело обмякло навсегда.

План мести, запущенный двести лет назад, был завершен.

Хейз стоял над трупом Канцлера, тяжело, с хрипом втягивая воздух. Скальпель со звоном выпал из его окровавленных пальцев.

Кровь продолжала капать из носа детектива, заливая подбородок и воротник плаща. Боль в голове достигла абсолютного предела — нейроны в его коре головного мозга вспыхивали и гасли, умирая целыми кластерами. Он понимал, что ему осталось жить в лучшем случае пару минут, прежде чем Перегруз превратит его в пустую, пускающую слюни оболочку.

Оливер опустил пистолет. Стажер плакал, глядя на то, что осталось от лучшего детектива Департамента.

— Хейз... — прошептал Оливер. — Декстер... Зачем? Мы бы его посадили... мы бы доказали...

Детектив медленно, преодолевая сопротивление разрушающегося тела, повернулся к стажеру.

Его красные, залитые кровью глаза больше не были пустыми. В них вернулась жизнь. В них вернулась боль, эмпатия и чудовищное, невыносимое чувство вины за то, в какого монстра он превратил сам себя. Детектив, свято верящий в закон, только что осознал себя серийным убийцей. И этот детектив знал только один способ восстановить справедливость.

Хейз нагнулся и поднял с пола свой табельный плазменный излучатель.

Оливер вздрогнул, думая, что наставник, окончательно сойдя с ума, сейчас выстрелит в него.

Но Хейз не поднял ствол на парня.

По изрезанной морщинами и шрамами щеке старого копа, смешиваясь с кровью, впервые за двести лет скатилась одинокая, обжигающая слеза.

— Коп, который мог его посадить, умер двести лет назад, Пейдж, — прохрипел Хейз. Его голос был слабым, надломленным, но абсолютно осознанным. Это говорил Детектив. — А тот монстр, которого он создал на замену... потребовал свой долг.

Хейз медленно, свинцовой рукой поднял излучатель и приставил теплое, гудящее дуло к своему правому виску.

Оливер побледнел.

— Сэр! Нет! Не делайте этого! Мы вызовем медиков! Мы откачаем вам память!
Хейз слабо, горько усмехнулся.

— Ты был прав, малец. В тот самый первый день.

Палец детектива лег на спусковой крючок.

— Память нельзя просто вырезать и выбросить в мусорку. Она всегда оставляет шрамы. Вырезая гниль, мы отрезаем себе душу... Не дай им вырезать твою, Оливер.

Излучатель тихо пискнул, подтверждая снятие предохранителя.

— Преступник устранен, — одними губами, глядя в заплаканные глаза стажера, произнес Декстер Хейз. — Дело закрыто.

В следующую миллисекунду палец вдавил крючок.

Яркая, ослепительно синяя вспышка плазмы осветила панорамные окна Цитадели, на мгновение затмив собой огни ночного мегаполиса.

А затем в кабинете наступила абсолютная, окончательная тишина. И темнота.